

ДРУГИЕ
МИРЫ

Соня Марей

ЗВЕРЬ-ИЗ-УЩЕЛЬЯ
КАМЕННОЕ ДРЕВО

Соня Марей

Зверь-из-Ущелья.

Каменное древо

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68773302

Аннотация

Боль от разлуки заставляет меня вернуться в храм, где предстоит пройти ритуал посвящения в старшие жрицы. Вот только секрет обряда заставляет передумать: я не хочу лишаться частицы души. Я хочу помнить Ренна, даже если нам не суждено быть вместе.

И пусть против нас и земля, и люди, и горы, но я знаю – он придет за мной. И тогда... я уйду с ним.

Содержание

Глава 1. Украденное дитя	4
Глава 2. Жрец	12
Глава 3. Пленник	18
Глава 4. Радостная весть	27
Глава 5. Против правил	33
Глава 6. Поиски виновного	45
Глава 7. Ссора	52
Глава 8. Тайна ритуала	62
Глава 9. Весточка с гор	72
Глава 10. Спасти брата	79
Глава 11. Снова на равнину!	85
Глава 12. Желанная встреча	91
Глава 13. Искушение	100
Глава 14. Стать твоей	113
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Соня Марей

Зверь-из-Ущелья.

Каменное древо

(Том 2)

Глава 1. Украденное дитя

Рамона

В святилище было пусто.

Если не считать застывшую пред ликом Матери Гор жрицу и блуждающих по стенам теней. Они бесшумно скользили, перетекая друг в друга, свиваясь клубками и взбираясь к потолку, чтобы согнуться там во мраке.

Застегнув очелье и ощутив привычное тепло кровавого камня, я поднялась с колен. Еще одна служба закончилась, а я опять, опять ничего не увидела! Ни намек, ни всполоха, лишь тот странный, до ужаса реалистичный сон никак не шел из головы. Несколько ночей назад он снова пришел ко мне, я даже на постели подскочила, дрожа от холода и липкого пота, и долго не могла отдышаться. Перед глазами снова стояла эта картина: жадные руки, гребущие золото, засыпанные снегом цветы и озера... нет, даже реки крови. Навер-

ное, усталое подсознание решило поиздеваться надо мной, как будто мало последних событий.

Я осторожно вздохнула, чувствуя, как в груди проворачивается невидимый кинжал. Шли дни, а я пока не придумала, как снова встретиться с Ренном или хотя бы передать ему письмо – как назло, и отец, и матушка Этера постоянно оказывались рядом. Загружали поручениями, следили, как коршуны. Внутреннее чувство кричало, что мой лестриец в большой опасности.

Если буду действовать наобум, как привыкла, сделаю только хуже.

Загасив последние сферы, я покинула зал и так задумалась, что не сразу услышала шорох чужих шагов. Тира подкараулила меня на выходе, схватила за локоть и с упрямством тяжеловоза потянула за собой.

– Эй, куда ты меня тащишь? – я едва не запуталась в подоле, но тут она повернулась и со смехом обняла меня за шею.

– Рамона, ты не представляешь!

– Не представляю что?

После долгих часов молитв и наполнения алтарного камня силой я плохо соображала. Очелье превратилось в стальные тиски, которые стремились раздавить мою бедную голову, а тут еще Тира странно себя ведет, ломая все мои представления о ней. На такое открытое проявление чувств были способны Кора и Сора, но никак не Тира. Так что же случилось с гордой и царственной подругой, что она стала похожа

на взбалмошную девчонку? Сейчас просто запрыгает от радости.

Я положила ладони ей на плечи и мягко отстранила. Внимательно вгляделась в лучащееся весельем лицо.

– Я жду ребенка! – громким шепотом выдохнула Тира, словно боялась, что подгорные духи могут нас услышать и помешать.

Сначала я не поверила ушам, а потом губы сами растянулись в улыбке. Радость и свет били из подружки фонтаном, ее чувства захватили меня и вознесли над темными залами – прямо к небу, прямо к солнцу.

– Тира... – я не могла подобрать слов. Они просто закончились, в голове поселилась пустота. – Я так рада за вас. Очень рада!

И это было чистой правдой.

– Я верю, что помог твой подарок, – она с силой сжала мои ладони, а потом вытащила из-под платья амулет в виде цветка. Тот стал сиять ярче, напившись жизненной силой и магией. Прожилки в прозрачном кварце светились мягко, как первые солнечные лучи. – Твой Дар действительно силен, Рамона. Ты должна помочь и остальным.

Мы глядели друг на друга, и вдруг показалось – мы вернулись на много лет назад, в беззаботное детство, когда мир был открыт нараспашку. Тогда мы не были скованы обязательствами, не хранили друг от друга секреты, и даже камни пели звонче.

– Сдается мне, что дело вовсе не в нем.

Ах, если бы все было так просто, искатели давно бы реши-ли свою главную проблему! Но, возможно, сила моих намерений и мой Дар все-таки внесли свою лепту, поэтому стоит попробовать создать еще несколько подобных амулетов. Хотя я сомневалась, что смогу. С тех пор, как мы расстались с Ренном, и я принимала участие в наказании Ольда, что-то во мне перевернулось. Заледенело.

Мы пошли коридором внутри скалы. Отзвуки шагов разбудили малышей цинний, и темнота отступила.

– Тира, как поживает девочка?

На первый взгляд в лице подруги ничего не изменилось, только уголки губ съехали вниз, а взгляд потух. Если бы я не знала ее так хорошо, то не заметила бы перемен.

– Уже три недели прошло, а она все не успокоится.

Наши старейшины решили, что кровь искателей должна остаться в Антриме. Не знаю, какими путями, но им удалось привести внебрачную дочь Ольда в Скальный город. Или знаю, просто боюсь думать об этом и смотреть правде в лицо, а от моих прямых вопросов отец и матушка Этера успешно уходят.

Маленькую девочку отдали на попечение матери Тиры и Коринны. Считали, раз она сумела вырастить аж двух девочек, то с третьей точно справится. И никто, конечно, не спросил желания ребенка.

– Матушка Этера проверила ее на алтарном камне и об-

наружила искру Дара. Она слабая, но само ее присутствие поражает. Ведь девочка...

– ...не чистокровный искатель, – закончила я за Тиру. – Да, это я знаю. Удивительно, правда?

Это ломает все устои. Веками считалось, что Дара у полукровок быть не может. Исключение – особенное дитя, которое должно родиться у Каменной жрицы и человека с равнин.

– Но об этом велено молчать, – Тира даже палец к губам приложила.

– Потому что это может вызвать ненужные пересуды.

– Я не хочу думать об этом, – покачала головой подруга. – Я хочу просто быть счастливой.

Я ее не осуждала. Понимала – эти мысли слишком крамольные, слишком опасные и непривычные. А мы привыкли жить так, как диктуют заветы предков, потому что столетиями на них жил и держался Антрим.

Мы шли, рассеянно переговариваясь. По дороге Тира рассказывала о семейной жизни со Стьеном, делилась надеждами и планами на будущее, а я, к своему стыду, слушала ее вполуха. Потому что в голове звучал голос матушки Этеры:

Конец нашего народа близок.

Ребенок из пророчества должен умереть.

Слова сыпались градом, как камни, и давили своей тяжестью. Я не заметила, как прошла свой поворот, и теперь приближалась к старому жилищу Тиры.

– Я иду навестить мать, – подруга коснулась моего запястья. – Хочешь зайти со мной?

– Она все время плачет, – беспомощно развела руками тетушка Исмара. – Плачет и зовет маму. Я не знаю, что с ней делать, – и бросила взгляд на сидящую в углу девочку.

Малышка устала рыдать, только жалобно скулила, размазывая по лицу слезы. Ей было чуть больше трех лет. От вида такого горького детского отчаянья я чуть не задохнулась. Каково потерять мать в таком возрасте, когда мир кажется огромным и пугающим, и совсем некому защитить?

– Это слишком жестоко.

Женщина молчала, но я чувствовала ее согласие. Тира сидела тут же, на лавке за столом. Подруга только морщилась и отводила глаза.

Определенно, именно это дитя я видела на руках у Ольда, когда он гулял с лестрийкой по кромке макового поля. Вспоминая тот вечер, я вспоминала Ренна и все, что происходило между нами. И каждый раз со страхом гнала эти мысли прочь. Я боялась о нем даже думать – будто Верховная могла подслушать мои мысли или покопаться во снах.

Осторожно я приблизилась к ребенку и присела на корточки. Протянула руку и погладила потную головку. Льняные кудри висели сосульками – она не давала даже расчесать их. Если девочка вырастет среди искателей, на нее будут показывать пальцем, судить из-за цвета волос и глаз, как и ме-

ня когда-то.

Я слишком хорошо знала, каково это – быть непохожей на других. Ловить на себе косые взгляды, терпеть насмешки и травлю от других детей. О, некоторые мальчишки были весьма изобретательны – однажды едва не спалили мне волосы.

Девочка замолчала и уставилась настороженно, как маленький побитый зверек.

– Где мама? – спросила, глядя невозможно голубыми глазами прямо в сердце, раня его этим взглядом.

Я только губы сжала и сглотнула стоящий в горле ком. Вдруг дверь с шумом отворилась, и в кухню влетела Кори. Просияла при виде меня, я была у них редкой гостьей, но тут взор девушки метнулся в сторону бедного ребенка:

– Я сделала для тебя куклу! – Коринна достала из мешка цветастое нечто и натужно улыбнулась. Подошла к нам и протянула подарок девочке, но та замахала руками в страхе и зашлась еще более громким и судорожным плачем.

– Я больше не могу это выносить! – Тира сжала руками виски и полетела прочь, зацепив сестру плечом.

Хлопнула дверь. Мать проводила ее хмурым взглядом и вздохнула.

– Тира очень переживает за меня.

Я сразу заметила, как осунулась тетя Исмара, как потухли ее глаза, а лицо посерело. Ужасная ситуация измучила не только малышку, но и эту женщину. Но что она могла сделать с приказом старейшин, одним из которых был ее стро-

гий властный муж.

– Она не признает меня, как бы я ни пыталась ей угодить. Девочка слишком взрослая, чтобы так скоро забыть свою настоящую мать.

Из угла снова донесся жалобный всхлип. Она не глядела на нас, словно мы были чудовищами, подгорными духами. И да, я себя именно так и ощущала.

Из ступора вывело легкое рукопожатие – Коринна обхватила ладонь прохладными пальцами.

– Надо это остановить, – прошептала подруга, когда отвернулась мать. – Что делать, Рамона?

Сейчас я казалась себя такой же маленькой и растерянной, как эта трехлетняя девочка. Мать Гор, да я ведь никогда не нянчилась я детьми! Но я оставалась Каменной жрицей – девой, к которой идут за советом и утешением, на чью мудрость уповают.

– Я что-нибудь придумаю, – ответила вполголоса.

Ах, знать бы еще, что!

Глава 2. Жрец

Реннейр

Я не думал, что застаю у отца посетителей. С ним был один из сумасшедших стариков-жрецов из Волчьей Пустоши и...

Варди? А он-то что здесь забыл?!

– Я велел никого не пускать, – недовольно протянул лорд и отпрянул от стола, над которым до этого нависал. – Ах, это ты? Тогда проходи.

Жрец стоял рядом с отцом, накинув капюшон. Седые спутанные космы падали на грудь, костлявые пальцы теребили деревянные бусины, а сам он что-то тихо бормотал. Захотелось от души встряхнуть этого шарлатана, а потом выпнуть из замка и из Лестры куда подальше, чтобы глаза не мозолил и не смущал ум отца своей болтовней.

Будто услышав мои мысли, старик подался назад и бросил взгляд исподлобья.

Я обернулся к Варди. Самодовольно ухмыляясь, он скрестил на груди руки. Этот северянин был одним из немногих, кто не боялся лорда Брейгара и вел себя, как настоящий дикарь. Что удивительно, ему все сходило с рук! Будто магией какой владел, паршивец.

– Я собирался отправить тебя в Глейриф. Ходят слухи, что там назревает бунт.

Глейриф? Это богом забытое место среди болот и кочек? Не удивительно, что народ возроптал.

– Как будет угодно господину.

Отец смерил меня хмурым взглядом. После того, как я уложил его на лопатки у всех на глазах, он не упускал случая меня зацепить.

– Проводи Леймаха в Пустошь, – бросил северянину сквозь зубы.

Жрец встрепенулся, поклонился коротко. Выходит, Варди предстоит сопровождать этого старика до Волчьей Пустоши? Не много ли чести шарлатану? Вряд ли даже самый захудалый разбойник покусится на него. Только если волки...

Ну и бездна с ним!

Старик устремился к выходу, низко наклонив голову, будто боялся, что кто-то решит разглядеть морщинистое лицо. Но, проходя мимо меня, запнулся, словно на преграду налетел.

Меня обдало запахами жженных трав, пыли и старческого тела. Капюшон приподнялся, и я, как заколдованный, вцепился взглядом в его глаза – блекло-серые, очень внимательные, с выцветшими ресницами по краю дряблого века.

Холодок зазмеился по телу, будто я заглянул в лицо духу степи, которому древние арнерианцы приносили кровавые жертвы. Я почувствовал, что не могу двигаться, даже дыхание замерло на вдохе. А потом жрец протянул руку и стиснул локоть.

Этот жест вернул меня в реальность. Со злостью я расцепил тонкие паучьи пальцы. Даже через ткань рубашки от них веяло холодом.

– Ты стал другим, – произнес жрец тихо, но отец услышал.

– Что ты имеешь в виду, Леймах? – встрепнулся, как коршун, почуявший добычу.

Да этот старик выжил из ума еще лет двадцать назад, мало ли что ему причудилось! Прежде он никогда не обращал на меня внимания, глядел так, будто я, как и все, кроме лорда – невидимки. Так чего ради именно сегодня решил заметить Зверя-из-Ущелья?

Может, ему показалось, что я стал другим в своих мыслях? Что вера дехейма в лорда, в его правоту пошатнулась? Не за тем ли отец слушает нашептывания старика, чтобы выявлять предателей?

Собственные мысли поразили меня. Неужели я сам думаю о себе как о возможном предателе? И внутренний голос тут же прошептал: «А кто ты, как не он?»

– Позвольте мне поговорить с вами наедине, господин, – попросил жрец, снова опуская голову.

Лорд сделал нам с Варди знак – подите прочь. Обменявшись недоуменными взглядами, мы отправились за дверь.

– Слушай, Звереныш, чего это он? – северянин подозрительно сощурился, когда мы оказались одни.

– Ты что, отца моего не знаешь? Он всецело доверяет этим болтунам из Волчьей Пустоши, на все готов, лишь бы полу-

читать очередное дурацкое предсказание, — ответил я небрежно, но злость и раздражение рвались на свободу.

Варди ухмыльнулся и поскреб затылок.

— Волчья Пустошь... Хрен знает сколько туда тащиться в компании этого блаженного. Терпеть лишения, защищать его, пока старикан будет только сопеть и попердывать в седло.

— Почему отец послал с ним именно тебя?

— Если б я еще знал, — избегая прямого взгляда, он развел руками. — Лучше бы отправился с тобой в Глейриф. И то веселее.

Да уж, знать бы, кому из нас повезло. Варди бегло попрощался и отправился заниматься сборами, а я остался ждать. Скоро отец закончит с этим умалишенным? Что еще жрец ему наболтает? Я сильно сомневался в том, что у кого-то из ему подобных остался Дар. Это ведь не искатели.

Ну вот, снова вспоминаю детей гор. А еще в Антрим тянет с неодолимой силой: закрываю глаза и вижу россыпь бирюзовых звезд на стенах пещер, горящие каменные жилы, слышу неясные голоса и шорохи под землей.

Стиснув зубы, я привалился затылком к стене. Уже много дней зудит эта заноза, напоминает о себе при каждом удобном случае. И надо же было так влипнуть! Влюбился, как мальчишка, а теперь мучаюсь. Кто бы мог подумать. Такая глупость.

Я невесело усмехнулся и взлохматил волосы. Опустил ве-

ки, припухшие от недосыпа.

Несколько дней назад снял с окна Ночного Странника и бросил на дно сундука, но и это не спасло – Каменная жрица продолжала являться во снах, и наутро я готов был седлать Чалую и мчаться в Скальный город, сбивать кулаки в кровь, умоляя горы открыть мне дорогу. Несколько лет назад, покупая амулет на ярмарке у Рорана, я еще не знал, что тот зачарован его дочерью. В каждом самоцвете, в каждой звенящей подвеске я чувствовал ее магию – звонкую, как песня, и чистую, как ручей.

Чувство непоправимой ошибки мешало думать и жить. Правильно ли я сделал, отпустив ее? Глаза, полные скорби и боли до краев, еще долго будут тревожить мои мысли.

Я раскрыл ладонь и посмотрел на ненавистный браслет. Если не найду способ переубедить лорда или снять эту штуку, в крайнем случае придется отхватить себе руку. В нашу последнюю встречу эта дрянь проявила себя особенно ярко, и, кажется, начала навязывать чужие мысли. Браслет зачарован сеять зло.

Я пытался сказать Рамоне хоть что-то, предостеречь, но магия туманила разум, не давала связать и пары слов. Еще одна причина, по которой я не могу больше с ней видеться. Все равно наши встречи пора было заканчивать, я не должен ломать ей судьбу. А она...

Да молода она еще. Верит во что-то и видит меня совсем не таким, какой я есть.

Проклятье. Вроде правильно рассуждаю, но на душе так паршиво.

Кое-как отлип от стены, чувствуя, что в голове мутится. Если так и будет продолжаться, совсем растеряю форму. И так уже пропустил одну маленькую, но важную деталь.

Варди, когда лжет, никогда не смотрит в глаза. Почему этот северный пройдоха решил надурить меня?

Размышления прервали приглушенные крики отца, доносившиеся из-за закрытой двери. Я прислушался, но смог разобрать только:

«...говорил подождать!»

Я поморщился. Лорд Брейгар редко позволял себе повышать голос, чаще обжигал ледяным презрением. Интересно, чем этот жрец его разозлил?

«...этот день никогда не настанет!»

Следом неразборчивое бормотание и грохот, будто со всего размаху приложили кувшин. Стражи у дверей не повели и бровью, привычные.

«...впустую! Столько лет...»

Я нахмурился. О чем отец говорит?

Или о ком?

Глава 3. Пленник

Рамона

Полночи я не могла уснуть. Ворочалась на постели, как индюшка на вертеле. Голову переполняли мысли – они то за-тихали, позволяя окунуться в поверхностную дрему, то вры-вались ураганом, заставляя откидывать одеяло, долго всмат-риваться в ночную темноту, а после жадно глотать успокаи-тельный отвар.

«Ты стала рассеянной», – говорили отец и брат.

«Ты похудела и осунулась», – твердили в один голос по-други.

«Ты витаешь где-то не здесь», – замечала матушка Этера.

Последние недели я провела в агонии. Горела и плавилась изнутри, проводила мучительные часы в лоне древних свя-тилищ, умоляя Матерь Гор послать хоть сон, хоть знак, но богиня молчала. Молчали и камни, прежде благоволившие мне, и невольно закрадывался страх – а если я все-таки те-ряю силу?

Дважды я начинала собирать вещи, готовая бежать без оглядки, но бросала все на полпути, прятала в ладонях лицо и думала, думала, думала.

«Это может быть связано с тобой», – слова Верховной не оставляли ни на миг, и я знала, что должна еще раз пови-дать Ренна. Поделиться своим открытием, рассказать все на-

чистоту, а там будь, что будет.

Конечно же он мне не поверит. Конечно, усмехнется краешком губ и скажет, что все это чушь. При мысли о моем лестрийце в груди становилось болезненно горячо, а следом просыпался страх, втыкался иглами под кожу. Лезли воспоминания о том странном сне, и казалось, что фигура человека в крови обретает черты Реннейра.

Они готовы убить его, если он вдруг окажется ребенком из пророчества. Попрать природу искателей и нарушить древний завет «не отнимай жизнь».

«Лицемеры... лицемеры!» – кричал в голове голос старейшины Ольда, и я видела перед собой заплаканную белокурую девочку, его дочь. Заглянув в наполненные печалью глаза, я не могла оставаться равнодушной.

Как жить спокойно, зная, что вокруг творится такая чудовищная несправедливость? Как молчать, когда страдает невинное дитя?

Я дала Коринне слово, что помогу. И, раз уж мне все равно не спится, надо действовать.

Коридоры Антрима всегда подкидывали неожиданные сюрпризы: читали мысли и показывали то, что душа желала. Однажды в детстве я хотела спрятаться от гнева дедушки. Тогда я сильно напроказничала, и он, строгий холодный старик, искал меня, чтобы наказать. Я бежала прочь, а где-то сзади грохотал голос деда – и внезапно увидела темный лаз,

которого, я точно помнила, раньше не было. Внутри пахло сыростью и мхом, но чутье вело меня все дальше – без всякого страха.

Лаз вывел к подножью водопада. Ослепительно сияло солнце, а на берегу рассыпались сугробы белоснежных цветов. Это было одним из самых ярких воспоминаний детства: как я рвала их и плела венки, а потом шагала по тропинке, пока не встретила маму. Она возвращалась с прииска – вот удивления-то было! А дед так и не смог меня найти.

Уже много лет его нет с нами, а я все не могу понять, за что он не любил не только меня, но и родного сына, моего отца. Пожалуй, сносно он относился только к Орму, а мою мать так вообще не замечал, словно она была пустым местом.

На вопросы о причине такого отношения отец только хмурился и говорил, что у бабушки всегда был отвратный характер. Но я чувствовала – причина глубже, гораздо глубже. Только я о ней уже вряд ли узнаю.

Вокруг стояла мертвая тишина. На стенах время от времени вспыхивали огоньки цинний, да серебрился скальный мох. И куда, спрашивается, дальше идти?

Я остановилась в замешательстве. Конечно, в Антриме были темницы... кажется... когда-то. Я потрянула головой и потерла ноющие виски. Очень жаль, что никто не водил меня туда погулять, а сама я никогда ими не интересовалась. У искателей вообще не было поводов кого-то наказывать, мы жили мирно, ни разбоя, ни убийств.

Ну же, Матерь Гор, если ты еще не отвернулась от меня, подскажи, направь, покажи дорогу. Мне очень-очень нужно повидать Ольда!

Осторожно, будто касаясь невесомой драгоценности, я погладила выпуклый камень с прожилками слюды. Прикрыла веки. Эх, если бы я была уверена в том, что Ольд сейчас один, что его не охраняют, использовала бы врата не раздумывая! Но ведь может получиться и так, что я ввалюсь в темницу прямо под взглядами охранников. И как потом выкручиваться?

Кровавый камень в очелье проснулся, а стена под рукой едва заметно нагрелась. Голоса гор ворвались в сознание подобно урагану, зашептали, закружили, окутали. А потом – яркая вспышка, мельтешение картинок – темный провал, решетка из хризоберилла, спящий человек на худом, линиям матрасе.

И я мысленно потянулась к самому сердцу самоцвета, к его сути, пропустила через свое существо тонкие зеленоватые нити, попросила послать больше образов. И камень откликнулся – позвал меня дальше, глубже под гору, в холодную тьму и тишину. Туда, куда не попадает даже случайный солнечный луч, где обречен состариться бедный Ольд, лишенный Дара, если раньше не лишится рассудка и не бросится в провал.

Радует лишь одно – его все-таки не стерегут. Да и зачем сторожа, если с одной стороны крепчайшая решетка, а с дру-

гой – бездна. Может, попробовать врата? Ведь ногами я туда и до утра могу не дотопать. Надеюсь, что они не откроются где-нибудь над пропастью? Искатели не птицы, летать не умеют.

После недолгих колебаний я все же создала мерцающую золотом дверь. Кристаллы перемигивались так весело, будто успели по мне соскучиться. Свет струился и разбавлял мрачную темноту, ласкал руки и лицо.

Цвет моих врат был янтарно-желтым, как свежий мед. Я читала, что цвет Дара отражает характер искателя. Что ж, золотой мне вполне подходит, я всегда любила солнце. А вот врата матушки Этеры сияли пурпуром, словно кто-то выплеснул на камни ведро крови. И кристаллы в них росли не аккуратными букетами, а громоздились друг на друга, торчали в разные стороны и грозили изрезать любого, кто их коснется.

Я невольно поежилась и задержала дыхание. Пора. Надо отбросить лишние мысли, потом о Верховной подумаю, не до нее сейчас. Там Ольд совершенно один, отчаявшийся, слабый. Возможно, он умирает, пока я предаюсь воспоминаниям.

Отсчитав три удара сердца, я шагнула во врата и растворилась в толще сияющих кристаллов.

Лицо обдало холодным ветром. Я распахнула глаза – тихо мерцал хризоберилл, по прутьям с острыми гранями бежали крохотные белые искры, и больше никаких источников све-

та.

Я вышла из скалы прямо напротив решетки, так что мне был хорошо виден скрючившийся на матрасе пленник. Вокруг валялись глиняные черепки, согнутая ложка и хлебная корка. Сердце застыло от жалости и прилива стыда – я сама приложила руку к его наказанию. Как теперь смотреть в глаза этому человеку?

Тихим шагом приблизилась к решетке и коснулась ее пальцами. Камень едва ощутимо завибрировал, но злости я в нем не почувствовала, лишь любопытство. Словно он спрашивал – что ты здесь забыла, жрица?

– Мастер Ольд! – позвала я громким шепотом, но он не откликнулся. Тогда я покашляла и повторила призыв.

Мужчина слабо завозился, приподнялся на локтях. Спутанные волосы падали на лицо и лезли в глаза.

– Кто здесь? – голос прозвучал на удивление живо.

– Это Рамона. Каменная жрица.

Он медленно поднялся, откинул волосы с лица – оно исхудало, скулы и нос заострились, цвет кожи в неверном свете хризоберилла казался серым.

– Ты пришла, чтобы добить меня, дочь Рорана? Это он тебя послал?

– Нет, – качнула головой, борясь с желанием спрятать глаза. – Я пришла по своей воле. Никто об этом не знает.

– Зачем? – он медленно приблизился к решетке, а мой взгляд метнулся к чернеющему провалу. Матерь Гор, он ведь

спал на самом краю. — Ты участвовала в том ритуале, я видел тебя.

— Простите, — слово далось с большим трудом, горло сжималось, а язык не хотел повиноваться. Как жалки мои извинения по сравнению с тем, что ему пришлось пережить!

Он печально усмехнулся и потряс головой, положил руки на решетку.

— У тебя не было выбора, жрица. Они тебя заставили, они... — Ольд плотно сжал губы, и даже во мраке ночи я увидела, как гневно замерцали глаза. — ...умеют убеждать. Но у всего есть последствия. За все придется ответить, ничто не останется неоплаченным.

— О чем вы? — от слов бывшего старейшины меня продрал холодок, вспыхнула мысль — не совершаю ли я ошибку?

— Причиненное зло вернется сторицей. Это закон жизни, — уточнил Ольд, глядя на меня исподлобья, как зверь, посаженный на цепь.

— Так не должно было случиться.

— Не должно, — повторил эхом. — Но я сам виноват, потерял бдительность. Теперь моя дочь в руках искателей, а моя женщина... — он опустил голову и с силой сжал прутья — тонкие багровые ручейки покатались вниз.

— Уверена, она жива! — постаралась утешить я, хоть сама в этом сомневалась. Я уже убедилась в том, что заветы легко нарушить, что слова — это всего лишь ветер.

Не обращая внимания на раны, Ольд оттолкнулся от ре-

шетки.

– Они ждут, что я потеряю веру и сделаю все своими руками, а им пачкаться не придется, – старейшина бросил печальный взгляд в сторону провала. – Интересно, сколько несчастных окончили жизнь вот так?

Я сглотнула вязкий ком и облизала губы. В лицо подул затхлый ветер, несущий смерть, и я обхватила себя за плечи. Телу стало чуть теплее, зато внутри я тряслась от холода.

– Я помогу вам, если пообещаете, что не будете мстить.

Он смотрел долго и испытующе, потом произнес:

– И как ты собралась мне помогать, Рамона из дома Алого камня?

– Просто доверьтесь мне, – я протянула руку сквозь прутья и коснулась его плеча. – Я освобожу вас и вашу дочь.

– Майла, – поправил он. – Ее зовут Майла.

При упоминании имени малышки лицо его разгладилось, а взгляд осветился тихим внутренним светом. Я глубоко вдохнула – еще одно обещание. Много ты обещаешь, Рамона, но сможешь ли что-то сделать? Хватит ли смелости пойти против всех?

– Обещайте, – напомнила жестко.

Ольд молчал долго, сосредоточенно разглядывая порезы на ладонях. Старые успели затянуться, а свежие еще кровоточили.

– Мои слова больше не имеют силы, дочь Рорана.

– Но я рассчитываю на вашу совесть.

Он усмехнулся.

– Хорошо, если это тебя успокоит. Я обещаю не мстить.

Камень, давящий на грудь, отпустил. Я вздохнула свободно.

– Тогда ждите меня. Ждите и не теряйте веры.

Если можно хоть что-то сделать, чтобы помочь этому человеку, я это сделаю. По решетке скользнула стайка белых искр и осыпалась мне на подол – камень будто соглашался.

– Тогда пообещайте мне кое-что еще. Услуга за услугу, – набравшись смелости, сказала я. – Когда будете свободны, найдите в Лестре одного человека.

Глава 4. Радостная весть

Рамона

Через два дня отец вызвал меня для разговора. Он сидел в своем кабинете на резной каменной скамье, опираясь спиной о бархатную подушечку. Руки в широких браслетах сложены на груди, волосы на висках убраны в косички и перевиты тонкими кожаными жгутами, борода расчесана и разделена на две части, скрепленные серебряными кольцами.

– Присядь, дочь моя, – непривычно мягко произнес он, и я повиновалась – опустилась на маленький табурет. Я старалась дышать ровно и не краснеть, но стоило вспомнить о моих секретах, как сердце начинало колотиться.

Отец окинул меня взглядом, кивнул своим мыслям и продолжил:

– Осенью тебе исполнится двадцать. Это значит, что в своем служении Матери Гор ты перейдешь на новую ступень. Близится твое посвящение, Рамона, и по этому поводу я решил преподнести тебе подарок.

– Подарок? – переспросила тихо.

Наверняка отец подготовил редкий самоцвет или амулет, других подарков мне никогда не дарили. Считалось, что любя из искательниц будет рада новому камню, но порой так хотелось разнообразия!

– Я решил исполнить твою мечту. Ты ведь всегда хотела

попасть на равнину?

Что-что?

Я не ослышалась?!

Брови взлетели на лоб. Я уставилась на отца так, будто он сказал что-то совсем уж невозможное, хотя... так оно и было. Неверие, страх, радость – все перемешалось, и я застыла, даже перестала дышать.

Может, слух меня подводит? Или отца подменили?

– Ты решил отпустить меня на равнину?

– Я решил, что тебе не повредит посмотреть мир... напоследок. Это поможет успокоить твой мятежный дух, дочь моя. Твоя мечта исполнится – ты увидишь мир за границами Западных гор и поймешь, что нет места лучше дома, – он повел руками, словно пытался охватить ломаные спины хребтов и каменные колонны, покрытые лесами вершины и холод подземных пещер. – Антрим – наше сердце на веки вечные, и никакая равнина с ним не сравнится. Ха, да что там есть хорошего? – он высокомерно усмехнулся и погладил бороду. – Поля? Степи?

– Их земля плодородна, благодаря ее дарам мы можем жить.

Мой ответ отцу не понравился, хотя мы оба знали, что это правда. Он что-то еще говорил, но я не слышала, в голове крутилась карусель из картинок и образов. Я уже была на равнине. Была! И ни за что не упущу шанс отправиться туда снова.

– Осенью в Лестре проходит крупная ярмарка, мы идем туда всей семьей. В последние недели стоит поработать как следует, – произнес отец с воодушевлением, предвкушая, как монеты лестрийцев падают в его кошель. – Больше самоцветов – на удачу, для отвода глаз, от болей и дурной крови, амулеты проводники и охранные талисманы. Чем ярче камни, тем охотней их берут, особенно если цена невысока.

Простенькие амулеты могли себе позволить даже крестьяне и бедные горожане. Конечно, по силам они во много раз уступали тем, что шли ко дворам сильных мира, но все равно помогали. Конечно, решить всех проблем не могли, не существовало такой силы, которая бы всех защитила или сделала счастливыми. Или подарила каждому взаимную любовь.

Говорили, в старину искатели могли чаровать камни, которые воскрешали умерших. Или создавать амулеты на приворот такой силы, что у объекта чужой страсти не оставалось ни шанса. Но потом такую магию признали нечестивой, а сами чары были забыты.

А еще Орвин по секрету рассказывал, что некоторые считают нас шарлатанами, говорят, что амулеты – пустышки. Двоюродный брат говорил, хмурясь, что они просто завидуют, а сами бы с радостью поменялись с нами местами. Такие люди ходили группками, как падальщики – смелые только в толпе. Они могли закидать лоток искателя гнилыми овощами, выкрикивать обидные вещи, провоцировать драки.

Я передернула плечами – да уж, не хочется столкнуться

лицом к лицу с такими невеждами.

– У тебя прибавится работенки, дочь, – заключил отец. – Надо пополнять запасы к зиме.

На заработанные с продажи самоцветов деньги мы закупали в Лестре главное – зерно. Соленья – я обожала ароматные грибы, хрустящие огурчики и квашеную капусту с клюквой. А еще свежие овощи и фрукты – на равнинах они рождались сочной и крупней.

Кроме камней лестрийцы хорошо покупали высокогорный мед, одежду из шерсти наших овец, костяные бусы и гребни. Я почти не знала, как живут животноводы, не касалась их быта, но в детстве любила наблюдать с вершины, как на изумрудно-зеленых лугах пасутся стада.

– И еще кое-что, – вдруг спохватился он. – Этера говорила, что твой амулет помог Тире зачать. Ты ведь сама придумала его?

Я кивнула, смутившись. До последнего надеялась, что он сработает, верила, вложила столько сил, сколько смогла – но как понять, что дело именно в нем? Может, у Тиры со Стъеном и без него бы все получилось.

– Значит, тебе надо будет зачаровать еще сотню таких амулетов. А лучше две или три.

Глаза полезли на лоб – что? Какие сотни? Я же всех сил лишусь, буду валяться месяц, не смогу даже с постели встать. А вдруг не выйдет? Можно попытаться, но только не сразу...

А вдохновленный родитель продолжал:

– Если ты сумеешь спасти наш народ от вырождения, тебя будут почитать, как саму Матерь Гор, и никто не посмеет оспорить твое право стать следующей Верховной жрицей. Наша семья станет самой известной в Антриме.

Внезапно я разозлилась. Отец просто бредит этой идеей. Все его речи, так или иначе, сводились к ней.

– Но пока нас ждет подготовка к ярмарке, так что не заставляй меня разыскивать тебя по всему Антриму, и чтобы никаких подруг и разговорчиков! А то знаю я вас, женщин, – он погрозил пальцем, и солнечный камень в перстне сыпанул искрами. – Сплетни только разносите, как сороки. А твои Соры-Коры на тебя плохо влияют. Хорошо, хоть Тира сейчас замужем, и у нее нет времени на ваши глупые посиделки.

Я решила не спорить, что толку? Отца не переубедишь. Он с нетерпением ждет моего посвящения, ждет, когда я покину дом и поселюсь при храме вместе со старшими сестрами и матушкой Этерой, когда забуду о мирских увеселениях.

Превращусь в ожившую статую с потухшими глазами.

Я невольно поежилась. У Иниры день рождения чуть раньше, чем у меня – значит, и обряд ей предстоит пройти первой. Надо будет расспросить у нее, что да как, надеюсь, она поделится секретными знаниями. А пока надо вызвать Ольду с дочерью. При мысли об этом сердце застучало быстрее – страшно, волнительно. Но я обещала, и я это сделаю! В благодарность Ольд найдет в Лестре Ренна и передаст мою просьбу о встрече.

Как удачно все складывается! Я улыбнулась, закрыв губы рукой, чтобы отец не увидел. Я буду на ярмарке, где проще всего повидаться и поговорить, не привлекая лишнего внимания.

– Рамона, тебя, случаем, духи подгорные не покусали? Ты чего такая странная? – прикрикнул отец, а потом накрыл лоб ладонью и закатил глаза. – Вот наградила меня богиня! Не дочь, а горе какое-то... Еще и рыжая, как...

Я давно отчаялась понять, чем ему так мой цвет волос не угодил. Ну рыжие, и что с того? Не зеленые же, не фиолетовые.

– Отец, я могу идти? – поинтересовалась как можно вежливей, хотя мысленно была уже за дверью.

Тот поморщился и махнул рукой:

– Ладно, ступай! И помни, что я тебе сказал.

Несмотря на волнение, на душе посветлело. Мысль о том, что я могу снова увидеть лестрийца и поговорить с ним, согревала. Ренн вряд ли поверит с первого раза, но я сделаю все, чтобы убедить его. Ведь если с ним что-нибудь случится, я не смогу себя простить.

И жить тоже не смогу.

Глава 5. Против правил

Рамона

После службы я подкараулила Коринну в галерее поющих сапфиров. Камни точно указали место, благо здесь было пусто.

– Сегодня мать идет работать в ночь, перед ярмаркой у нее много дел, а малышка останется дома. Я буду за ней присматривать.

Подруга комкала подол платья, то и дело оглядываясь. Но нас не видел никто, лишь наши встревоженные лица отражались в полированных гранях камней.

– Этого хватит. Жди меня, Кори. Я приду за девочкой, только... – в задумчивости пожевала губу и виновато глянула на Коринну, – тебе здорово влетит. Будут думать, что ты плохо за ней следила.

– Ничего! – она небрежно отмахнулась, но каждый ее жест выдавал нервозность. – Что-нибудь придумаем. Выпью сонного порошка и скажу, что дрыхла всю ночь и не слышала, как Ольд ворует девочку и сбегает вместе с ней.

Да уж, наш план держался на честном слове. Ольд лишен Дара и не может управлять камнем. И дурак поймет, что у него были пособники. Интересно, как быстро вычислят, кто они?

Ох-ох, придется из кожи вон вылезти, чтобы обмануть

ных старейшин и матушки Этеры.

Я улыбнулась и потянулась к подруге. Мы прижались друг к другу и долго не могли отпустить. Я слушала, как колотится сердце этой смелой семнадцатилетней девочки.

Наконец, мы распрощались. Решили разойтись в разные стороны, но, когда я уже почти миновала галерею, слух уловил шаги. Не успев подумать, нырнула в темную нишу в стене, затаилась и прижала ладони ко рту, чтобы не было слышно дыхания. Потом осторожно выглянула...

Орм?

Что брат здесь делает в разгар рабочего дня? Неужели решил устроить себе выходной и теперь прохлаждается, любясь сапфирами и слушая их мелодичные песни?

Вот так загадка. Я даже моргнула несколько раз, словно надеялась, что Орм мне привиделся. Но нет, он никуда не делся. Стоял, держа за спиной руки, и переминался с ноги на ногу. Словно кого-то ждал.

Любопытство схватило за горло, и я решила еще немного посидеть в засаде, хотя правильной было сразу объявить о себе. Некрасиво подглядывать, но, милосердная Мать, как же интересно.

Совсем скоро в конце галереи раздались торопливые шажки. Старший брат выпрямил спину, стал как будто выше и значительней, а я напрягла зрение, пока в глазах не заребило.

Ого! Да у моего медведя, кажется, тайная любовная встре-

ча!

Навстречу ему бежала девушка – странно знакомая, несмотря на плохой свет.

Ох, нет! Не может быть! Или все-таки может?

Я верила и не верила глазам, а потом вспомнила слова подруги в купальне, вспомнила кольцо, которое мастерил Орм.

Все совпало! Так и есть – Сора, которая до недавних пор вела себя хуже мальчишки, влюблена в моего старшего брата. А он влюблен в нее. И молчат же, заговорщики!

Встретившись, они взялись за руки и о чем-то шепотом заговорили.

Я прикрыла ладонью рот, расплзающийся в улыбке. Как бы меня ни колотило от волнения перед грядущим, невозможно было не порадоваться кусочку чужого счастья. Но и не завидовать я не могла – где-то внутри, приглушенное, скреблось это противное постыдное чувство. Орм и Сора хотя бы из одного народа и могут пожениться.

Я зажмурилась и прикусила костяшку пальца. Хватит! Довольно изводить себя. Дав себе мысленную затрещину, прижалась спиной к стене. Не буду смотреть на них, не буду слушать. То, что происходит сейчас, должно остаться только между ними.

Пусть милуются. Все равно скоро обоих ждет допрос с пристрастием.

Ночь была тиха и безветренна. Матерь Гор погасила над Антримом звезды, укрыла месяц пледом из облаков. Как раз то, что нужно. Именно в такие ночи плетутся заговоры и интриги.

Чувствовала ли я себя заговорщицей? Да. Время от времени страх срывался с поводка и велел повернуть назад, не делать этого, но я упрямо душила его и твердила, что поступаю верно.

Кори воровато оглянулась и раскрыла дверь шире, пропуская меня. Внутри я скинула капюшон.

Знобило. Зубы стучали друг о друга, а сердце колотилось – вдруг не получится? Вдруг меня застанут, что тогда будет со всеми нами?

Я зажмурилась. Соберись! Если будешь трястись, как заячий хвост, точно ничего не выйдет. Удача благоволит только смелым.

– Тебя никто не видел?

Я помотала головой, не прекращая комкать полы плаща. Как хорошо, что догадалась захватить, под капюшоном не заметно ярких волос. Конечно, у меня был амулет для отвода глаз, но кто-то с сильным Даром все равно меня распознать и остановить. Та же матушка Этера, которой захочется подышать перед сном.

– Мать как раз недавно ушла. Идем, девочка спит.

– Ее зовут Майла.

Глаза Кори на миг расширились. Она качнула головой.

– Мы не могли добиться от нее имени, поэтому мать дала ей другое. Не удивительно, что девчушка на него не откликлась.

Молча мы переступили порог маленькой комнатки, где в детстве спали Тира и Коринна. Разметавшись на одной из кроватей, малышка тихо посапывала. На щеках застыли следы слез, в кулачке она сжимала руку той самой куклы, что сшила для нее Кори.

– Так долго плакала, еле успокоилась, – расстроено говорила за спиной подруга. – Еще и Тира со своими глупыми советами лезла, так и хотелось настучать ей по голове.

– Тихо, а то разбудишь, – я наклонилась над Майлой и застыла в нерешительности. Как ее вообще брать? С какой стороны подходить?

Ох, Матерь Гор!

Я долго колебалась. Еще и Кори дышала над ухом, нервируя. Наконец, наклонилась и, подхватив девочку, прижала к груди так, чтобы ее голова легла мне на плечо.

Тяжелая!

– Мама... – сонно выдохнула она. Подняла голову, но в следующий миг ее снова окутала дрема. Тельце потяжелело, Майла задышала спокойно и ровно.

А у меня внутри вдруг что-то екнуло, будто со звоном по-

рвалась натянутая струна. Руки задрожали, дышать стало тяжело. Некоторое время я стояла, боясь даже шелохнуться, потом медленно обошла кровать и направилась к стене, покрытой вязью рун.

Ладонь привычно легла на гладкий камень, я обратилась к Дару в крови, молясь, чтобы дитя не проснулось в самый неподходящий момент. Но, кажется, все прошло хорошо – передо мной разверзся весело горящий портал. В этот миг обрушилось понимание, придавило каменной глыбой.

Я ведь предаю свой народ, предаю интересы искателей и волю своего отца. Возомнила о себе невесть что, осмелилась вернуть ребенка в привычный мир, к людям, которые ее любят, вырвать из плена Скального города.

А ведь можно поступить проще, закрыть на все глаза и жить дальше. Какое мне дело до Ольда и его дочери? Зачем мне это надо? Голос совести со временем умолкнет. Пройдут года, но этот миг – миг, когда я застыла у врат с Майлой на руках, не вернется и будет сниться в кошмарах. И ошибку уже не исправить.

– Рамона? – осторожно позвала Коринна, видя мое замешательство.

– Все нормально, – я кивнула подруге.

Да, все в порядке. Так и должно быть.

С этой мыслью сделала уверенный шаг.

Когда сияние врат перестало слепить глаза, я подняла веки и замерла, чувствуя, как ужас приподнимает волосы по

телу, как по рукам бегут колючие мурашки. Левая стопа застыла аккуратно на краю пропасти – черной, опасной и безжалостной. Порыв ветра, налетевший снизу, взметнул полу плаща, прошелся холодом по ногам.

Мать Гор! Я едва не промахнулась и не погибла. И не только я, но и трогательно сопящее на плече создание.

Медленно, стараясь не смотреть вбок, я сделала шаг, другой. Казалось, сейчас равновесие нарушится, и меня утянет в бездну, прямо в пасть к подгорным духам.

Решетка из кризоберилла мерно светилась, и этого света хватило, чтобы я заметила серую фигуру Ольда. Он дремал, бессильно привалившись к стене, и в первые мгновения даже не заметил мерцания врат. А, когда глаза открылись, старейшина удивленно подпрыгнул.

– Жрица?

С неожиданной для истощенного тела прыткостью он сорвался с места и в доли мгновения оказался рядом. Я бережно передала ему свою ношу, Майла ничего не заметила, только всхлипнула сонно.

– О, тише, тише, – окаменев, я наблюдала, как этот взрослый суровый мужчина гладит детскую головку. – Скоро ты увидишь мать...

Почувствовав смущение, я отвернулась. Взгляд упал на валяющуюся под ногами ложку со следами засохшей каши. Кажется, это подойдет для моей задумки.

Я дернула рукав пониже и, обернув им ладонь, наклони-

лась и подняла ложку. Набрав в грудь побольше воздуха, вновь направилась к провалу и замерла в опасной близости от него. Опустилась на колени, будто пред алтарем.

Снизу налетел ветер, взметнув волосы и осыпав непослушными прядями на плечи. Дохнуло сыростью.

Заметать следы я умела, помогла наука матушки Этеры и знания, почерпнутые из старинных книг.

Слегка наклонившись вперед, медленно опустила руку в чернеющую бездну и ощупала скалу, впитывая в себя каждую черточку, каждую впадинку, весь ее холод. А потом начертила черенком несколько рун, сопроводив монотонным тихим напевом. С каждым словом я чувствовала, как Дар струится под кожей, лижет пальцы, как сплетается с камнями в единое нечто.

Когда стихли последние звуки, я бросила ложку вниз и долго прислушивалась, но ответом была тишина. Все это время Ольд не обращал на меня внимания – баюкал малышку с полным умиротворением на усталом лице. Так не хотелось разрушать идиллию, но тревога взыграла с новой силой – вдруг сюда нагрянут? Прямо сейчас, в этот миг? Камни дружат не только со мной, могут и нашептать матушке Этере или кому-то еще о побеге, и тогда плакал мой план.

Я негромко кашлянула.

– Мастер Ольд, пора.

Он закивал.

– Я готов.

Сегодня мне снова предстоит испытать свой источник на прочность – создавать врата одни за другими чревато истощением. Но что поделать? Потом восстанавлиюсь.

– Да поможет нам Матерь Гор, – прошептала себе под нос, уже особо и не надеясь на милость богини. А потом глубоко вдохнула и, стараясь не смотреть в сторону пропасти, воззвала к Дару и коснулась скалы.

Ольд прекрасно знал, что надо делать, и вскоре мужская рука легла на плечо. Между нашими телами было зажато тельце Майлы, но я все равно ощутила неловкость.

Прикосновение было слишком чужим. Нежеланным.захотелось поежиться и как можно скорей избавиться от его близости и запаха. Только усилием воли я заставила себя завершить ритуал. Нас выбросило как раз там, где я последний раз видела Реннейра – в тени резных кленов, среди зарослей ночных цветов. Даже луна, казалось, светила так же, а деревья мерно перешептывались листвой. От воспоминаний сдавило горло, и я ощутила дикий, почти неодолимый порыв убежать вместе с Ольдом.

Я проглотила нервный смешок. Какой вздор! Если не хочу все испортить, надо набраться терпения и ждать. Ждать...

– Теперь вы свободны, – я повернулась к Ольду и встретилась с ним взглядом.

– Спасибо тебе, Рамона, дочь Рорана, – он кивнул, укутывая дочку полой плаща – я отдала ему свой. Ночи стали холодными, и мне очень хотелось сделать для них еще что-

нибудь. – А что будет с тобой?

Я пожала плечами.

– Это не важно. Не думайте об этом. Лучше дайте мне кое-что из вещей вашей дочери, – с этими словами я аккуратно вытащила куклу из пальчиков малышки – она была теплой, как живая. Таращилась косыми глазами прямо на меня и улыбалась кривым ртом.

Жутко.

Ольд нахмурился и недовольно поджал губы.

– Твой отец всегда шел по головам. Если он узнает, что это сделала именно ты, житья не даст.

– Спасибо, что беспокоитесь, но, поверьте, я сумею постоять за себя, – голос прозвучал бодро и уверенно. Я пыталась храбриться, но выходило жалко.

Ольд это почувствовал.

– Ты на него совершенно не похожа. Не похожа на них всех, – бывший старейшина говорил вполголоса, но каждое его слово дышало силой, заставляло вспоминать тот страшный ритуал, каждая его деталь будет со мной до конца жизни. – Но они еще ответят. Ответят за все, что сделали.

Последнее он произнес едва слышно, но мне хватило.

– Умоляю вас, простите их. Вы обещали не мстить, – я приложила к груди ладони и заглянула ему в глаза. – Забудьте все, живите со своей женщиной и ребенком. Вас ведь больше ничто не связывает с Антримом.

– Они вырвали кусок моей души, – с неожиданной зло-

стью припечатал Ольд. – И простить я могу только тебя, жрица.

Воцарилась гнетущая тишина. Я хотела что-то сказать, но язык примерз к нёбу. Пусть все будет хорошо, и Ольд не станет дурить.

Пожалуйста...

А он поправил сползающего ребенка, плотней укутал плащом.

– В ней есть Дар, – начала я, когда голос вернулся. – Но ведь она полукровка, а полукровки...

Мужчина усмехнулся.

– Не верь всему, что тебе говорят. Особенно этим лицам, для которых вы все – стадо овец.

– А вы, значит, не стадо? – мне вдруг стало дико обидно. Я, значит, помогаю ему, рискуя всем, а он обзывается!

– Я пытался отбиться от него, за что и поплатился. Но хватит разговоров. Нам пора. Да продлит Мать Гор твои дни, – произнес уже миролюбивей и почтительно кивнул.

Ольд прав. Времени прошло много, а мне нужно успеть сделать еще кое-что.

– Прощайте, мастер. И удачи вам.

– Возможно, мы еще увидимся, – сжимая в объятьях крепко спящую дочь, мужчина отвернулся и уверенно зашагал по тропе.

Я стояла, не в силах пошевелиться, и смотрела Ольду в спину. В голове звучали его слова – слишком много в них

было обещания чего-то мрачного. Неясного. Я не могла подобрать этому названия, но внутреннее чувство твердило – если встреча все-таки состоится, доброй она точно не будет.

Глава 6. Поиски виновного

Рамона

Меня разбудил грохот в дверь – ее сотрясала, кажется, целая толпа великанов, и многострадальная едва не слетала с петель.

– Рамона, открой!

Голос отца вклинился в сознание. Голова тут же заныла от усталости и недосыпа – лечь я смогла только перед рассветом, да еще и прорву Дара накануне истратила. Боюсь, что в зеркале сегодня будет отражаться бледный изможденный призрак, не дай Матерь кому-то поинтересоваться, чем эта жрица всю ночь занималась.

– Рамона!! – Дверь содрогнулась под мощным ударом отцовского кулака, и все мое существо вдруг сжалось от страха. Он обо всем догадался!

Промедление было смерти подобно, родитель ненавидел ждать. Быстро стряхнув с себя остатки сна, я выскочила из кровати, на ходу запахивая накидку. От предвкушения скорой расправы зуб на зуб не попадал, а колени подгибались.

Отец не прекращал ломиться. Я буквально пролетела над полом, едва задев его босыми ступнями и, отперев замок, предусмотрительно отскочила в сторону.

И вовремя, иначе тяжелая дверь заехала бы мне по лбу.

– Нужна твоя помощь! – пророкотал он, оглядывая меня с

ног до головы и морщась. — Ах, ты еще спишь, бездельница! Неужто работы никакой нет?!

— Сегодня Верховная освободила меня от служб...

Он прервал меня жестом, мол, хватит болтать. Губы сжались в суровую линию.

— Что случилось, отец? — спросила, а у самой желудок поджался, и волосы зашевелились на макушке.

— Ольд пропал, — выплюнул он, впечатывая в стену кулак. — И девчонка его тоже.

Я в притворном удивлении приложила ко рту ладонь и округлила глаза.

— Неужели? Как печально!

В ответ он раздраженно осклабился.

— Печально?! Да это настоящее бедствие! И как они могли сбежать?

Я старательно прикидывалась дурочкой, глядя на него круглыми глазами и хлопая ресницами и молясь, чтобы Коринна ничем нас не выдала. Если все откроется, буду врать, что сама пришла вчера к ним в дом, усыпила Кори и выкрала девочку. Правда, веского мотива помогать Ольду я придумать так и не смогла.

— Все, хватит пустой болтовни. Этере нужно сплести поисковую сеть, хотела тебя позвать. А ты браслет сняла и спишь, как суслик.

Поисковая сеть? Ох, милосердная Матерь...

Внутри все затрепетало, но я мужественно выдержала от-

цовский взгляд. Надеюсь, что мне повезет, и начертанные руны смогут обмануть Верховную.

– А что же тетушка Исмара? – поинтересовалась осторожно, и отец, собравшийся было покинуть комнату, напряженно замер. – Девочка ведь жила у них...

– Не было Исмары дома! По делам ушла, как и ее муж. А дура Коринна, – он погрозил пальцем. – Подружка твоя загадочная, между прочим, проворонила девчонку!

Я чуть было не крикнула: «Она не виновата!», но вовремя прикусила язык. Если уж играть, то до конца.

– Сейчас оденусь и отправлюсь к Матушке, – заверила клятвенно, выпроваживая отца за дверь.

Едва щелкнул замок, я бессильно прислонилась к стене и закрыла глаза.

Как это ужасно – лгать.

* * *

Знакомый провал щерился беззубым ртом, а хризоберилловая решетка все так же зловеще светилась. В этот раз я спустилась по винтовой лестнице в скале вместе со своими сестрами. В бывшем узилище Ольда нас ждали матушка Этера, отец и еще трое старейшин. Хмурые, обеспокоенные. Кто-то задумчиво потирал подбородок, кто-то расхаживал взад-вперед.

– Все выглядит так, будто Ольд решил свести счеты с жиз-

нюю, – стоя на краю бездны, отец пнул мыском ботинка камешек.

– Тогда как объяснить пропажу его дочери? Такие совпадения вообще бывают? – поинтересовался старейшина Линн – противный дед, которого я терпеть не могла с детства. Его лысина в обрамлении клочков волос сияла, как медный пятак, а шея была увешана блестящими самоцветами. Кажется, он верил, что чем крупней и ярче камни, тем больше сила, но у меня он неизменно ассоциировался с сорокой, падкой на все блестящее.

Отец раздраженно передернул плечами. Кажется, он сегодня так торопился, что надел рубаху наизнанку.

– Ольд бы так просто не сдался. Цеплялся бы за жизнь из последних сил.

Он говорил, а у меня даже в ушах зашумело от злости, и руки затряслись. Это ведь он, мой отец, сделал все возможное для низвержения Ольда. Если верить словам беглеца, причиной была самая натуральная зависть. Или то, чего он захотел отбиться от стада.

Тем временем матушка Этера рассыпала каменную пыль так, чтобы получился ровный восьмиугольник, и велела жрицам занять свои места. Под звуки шуршания подолов установила в центре шар из полированного дымчатого кварца.

– Помните, как вызвать поисковую сеть?

Здесь были младшие и старшие сестры – всех поровну. Я поймала растерянный взгляд Иниры. Последнее время она

ходила как в воду опущенная. Была тут и моя заклятая подруга Лаара. Вот и сейчас, не изменяя своим привычкам, воротила нос.

Ждать долго не пришлось: чары были не слишком сложными, поэтому уже скоро я ощутила жар в кончиках пальцев. Невесомые нити-паутинки отделялись от наших рук, дрожа в воздухе в такт пению Верховной, а потом падали и стелились по полу пещеры. Каждая из них устремлялась к шару, в который очень внимательно всматривалась матушка Этера – меж бровей пролегла морщинка, в глазах плясал неотмирный серебряный свет.

– Лаара, пальцы расслабь! – прикрикнула она на жрицу. – Вас всех это касается, девочки.

Она пыталась казаться невозмутимой и строгой, но я знала – Верховная нервничает и не понимает, в чем дело. Вчера я создала ложный след: бросила ложку, хранящую следы прикосновений Ольда, в провал, а свое присутствие стерла из памяти камней.

Наверняка они думали, что у Ольда был сообщник, а теперь сбиты с толку. Краем уха я слышала, как отец переговаривался с другими старейшинами. Девочку так и не нашли – это их беспокоило.

Ах да, им еще предстоит узнать, что та случайно упала в ущелье. Сбежала, пока Коринна, сторожившая ее, мирно сопела в подушку, и отправилась гулять по Антриму. Но оступилась в одном из опасных коридоров...

По телу пробежала волна дрожи, и меня замутило. Перерасход сил не прошел даром, я стремительно слабела. Что ж, остается надеяться, что сеть не сломает мои вчерашние чары.

Время тянулось томительно медленно, пот скользил по спине холодными ручейками, но я держалась. Помогали мне это делать мысли о Ренне, когда он бился с Красными Топо-рами, ни разу не дал слабину. Даже раненый.

– Похоже, он действительно бросился в пропасть, – сообщила матушка Этера старейшинам, оторвавшись от кварцевой сферы.

– То есть он сделал это сам? Ему не помогли? – недоверчиво прищурился Линн, теребя амулет узловатыми пальцами.

Верховная вздернула бровь, окатывая его высокомерием.

– Вы сомневаетесь в моих словах, мастер Линн? Если бы сеть поймала чужие следы, я бы вам об этом сказала.

– Мы ни в коем случае не сомневаемся в тебе, – вмешался отец. – Так что с девочкой?

Я была безмерно рада размять дрожащие от перенапряжения пальцы и отпустить контроль над Даром.

– Мои ученицы плетут сеть в другом месте, пытаюсь понять, куда она запропала...

– Здесь что-то нечисто! – не унимался Линн, и мне захотелось стукнуть его по макушке. Кажется, отец был со мной солидарен, потому что метнул в его сторону раздраженный

взгляд.

– Мы во всем разберемся.

Сердце трепыхалось пойманной птичкой. Выдержать бы этот день! Доиграть свою роль до конца.

– Девочки, вы можете идти и восстанавливать силы, – милостиво разрешила матушка Этера и встала в кругу старейшин. Им требовалось поговорить без лишних ушей.

У выхода Лаара задела меня плечом, оттесняя и проскальзывая вперед.

– Змея, – негромко обронила Инира, касаясь моего локтя. – И чего она тебя так не любит?

– Ты лучше скажи, кто меня вообще любит.

И нервно захихикала. Этим я пыталась заглушить раздражающее в клочья волнение. Уходя из этого скорбного места, явственно чувствовала, как спину колет тяжелый взгляд отца.

Глава 7. Ссора

Рамона

Этот длинный-предлинный день, наконец, закончился. Ну и страху я натерпелась, конечно! Казалось, кто-нибудь прочитает мои мысли во взгляде, начнет допытываться, почему я тряусь, а там...

Я обошла комнату, касаясь пальцами каменных сфер: в толще самоцветов разгорелись крохотные огоньки, и тьма покинула комнату. В углу над кроватью затаился выводок цинний. Малышки засуетились, вытянули рожки, а внутри хрупких панцирей зажглись бирюзовые искорки. Надо будет покормить сладкоежек, как раз осталось немного меда.

Эти уютные заботы здорово отвлекли от тягот прошедших дней. Замерев напротив своего отражения в большом ростовом зеркале, я повела ладонями по щекам, собрала волосы и откинула их за спину.

Не узнаю себя. Что-то неуловимо поменялось во мне, и это что-то шло изнутри. Как будто кто-то подменил обычную Рамону, подсунув в ее тело незнакомку, и она балансировала на краю пропасти, боясь, что тайна раскроется.

Совершенно обессиленная, я медленно выдохнула. Сейчас заварю ароматных трав, заберусь в постель, обниму подушку и позволю себе чуть-чуть помечтать.

Тихий скрежет с той стороны двери заставил отвлечься от

планов.

– Тира? – я немного удивилась при виде взъерошенной подруги, смотрящей на меня огромными, как плошки, глазами, но быстро взяла себя в руки и пустила ее внутрь. – Что-то случилось?

Она влетела подобно урагану, обдав меня запахом яблочного пирога. Щека была измазана мукой, но подруга этого не замечала.

– Рамона! Как ты могла? – в голосе зазвенел неприкрытый укор и осуждение, ее колотило от возбуждения и паники. Эта дрожь перекинулась на меня и заставила поежиться.

Плохо дело...

Я повернулась к столику и хотела взять стакан с водой, чтобы предложить подруге.

– Ты о чем?

Тира схватила меня за плечо, больно впившись ногтями, и развернула к себе.

– Ты знаешь, о чем! Кори мне все рассказала.

Мы долго сверлили друг друга взглядами, ни одна не желала уступить. Кажется, отпираться бесполезно, да и не слишком хочется.

– Я поступила правильно.

Эх, Кори-Кори. И кто тебя за язык дергал?

– Ты подговорила Коринну, ты подставила мою маму! Теперь все винят ее за то, что она плохо следила за ребенком! – Тира уперла руки в бока и гневно смотрела на меня, ожидая,

что я начну оправдываться и просить прощения.

Но этого не будет.

– Ты знаешь, – продолжила она дребезжащим голосом, и подбородок ее запрыгал. – Знаешь, что они думают? Что девочка пошла гулять по Антриму и сверзилась с лестницы. Прямо в провал! Это, по-твоему, весело?

Ссориться с подругой не хотелось. Я вообще ненавидела ссоры, но Тиру понять тоже могла. Она ждет ребенка и не хочет, чтобы покой их семьи что-то тревожило.

Стараясь не терять самообладания, я погладила Тиру по плечу.

– Понимаешь, я не могла поступить иначе. Мне жаль, что заставила тебя волноваться, но в чем виновата та девочка? Искатели оторвали ее от родной матери силой, похитили. Понимаешь, Тира? Это слишком жестоко, а мы ведь не приемлем жестокости.

Она смотрела мне в глаза, упрямо сжав зубы, но не перебивала.

– Я отдала ребенка Ольду и вывела их из Антрима.

Тира отшатнулась и замотала головой.

– А если узнают? О-о-о... чем ты думаешь, Рамона? Что будет, если обман раскроется? Ты и Кори за собой утащишь!

– Так, хватит! – я непреклонно оборвала стенания подруги. Залепить бы отрезвляющую пощечину, но нельзя. – Если не будешь болтать, никто ничего не узнает. Мне жаль, что пришлось подставить тетю Исмару и Кори, но со временем

все стихнет и забудется.

В ответ подруга взметнула руки и хлопнула себя по бокам.

– Рамона, я не верю, что это говоришь ты. Ты!.. Ты ведь Каменная жрица, ты должна...

– В первую очередь я – человек, и я не смогла бы спокойно спать, зная, что могла помочь, но ничего не сделала.

– У тебя какое-то странное чувство справедливости! Ольд заслужил наказание! – Тира ткнула в мою сторону скрюченным пальцем, но я отмахнулась от ее руки и крепко сжала плечи. Встряхнула несильно, будто это могло помочь выбить из ее головы дурацкие мысли.

Когда-то мы были так близки, понимали друг друга с полуслова.

Когда-то...

В прошлой жизни.

– Тира, ты ведь сама скоро станешь матерью. Что бы ты почувствовала, если бы у тебя отобрали твое дитя, твою плоть и кровь, самое дорогое, что только может быть? – я увещевала ее, призвав на помощь все свое спокойствие, все красноречие, но Тира молчала с непробиваемым выражением.

– А чем ребенок заслужил эти мучения? Неужели у искателей и правда нет сердца? – я была готова кричать, лишь бы подруга меня услышала.

Тира затрясла головой.

– Рамона!.. Рамона-а! Подведешь ты всех нас, ой, чув-

ствую, подведешь!

Она вырвалась из хватки и отряхнула плечи, словно мое прикосновение могло заразить ее неведомой болезнью, очернить ум и душу, сделать такой же ненормальной, как я.

– Не зря считают, что рыжий цвет приносит беду. А про детей мне не говори, ты тем более ничего не поймешь, потому что у тебя их никогда не будет, – прошипела она и, взмахнув подолом, выскочила за дверь.

Несколько мгновений я стояла онемевшая, обездвиженная, словно меня приморозило к месту. Получить удар в сердце от близкого человека – что может быть больше?

* * *

Антрим бурлил несколько дней, как похлебка в котелке. Отец ходил мрачнее тучи, срывался на мне и даже на Орме. Больше всего подозрений вызвало то, что и Ольд, и малышка погибли в одну ночь, но зацепок ни старейшинам, ни матушке Этере обнаружить не удалось. А мне оставалось только благодарить Матерь Гор, что обман удался.

Если богиня не выдала, значит, я поступила правильно? Или за что мне такая удача?

Но расслабляться рано. Каждый раз, останавливаясь у зеркала, я ловила свой затравленный взгляд.

Осенняя ярмарка была все ближе, а значит, близилась и встреча с Ренном. Только рутинные заботы помогали от-

влечься от беспокойных мыслей. Мы усиленно готовились: мастерские не закрывались даже ночью, а я, когда не служила в храмах, тратила все время на зачаровывание амулетов.

Гладко отполированные кристаллы в ажурных серебряных шапочках ложились в деревянные шкатулки – аметист, хрусталь, берилл, турмалины. Все блестящие и одинаковые, точно близнецы. Капли изумрудов и сапфиров, благородная шпинель, рубины – украшения для богатых господ. Алмазы, сияющие гранями и рассыпающие солнечные искры, опалы с заключенными в них звездами, радужники и лунные камни – части живых амулетов.

У меня на пальце сидела бабочка с серебряным тельцем, слюдяными крылышками и глазками из флюоритов, готовая сорваться и улететь. Бабочка-проводник. Таких богатые родители покупали для своих детей, чтобы, если те заблудятся, насекомое указало дорогу домой.

Или вот, к примеру, амулет в виде оленьей головы. Каждый волосок был выгравирован так искусно, что зверь казался живым – сейчас моргнет яшмовыми глазами Хранитель Охотников.

Я любовно укладывала сокровища на бархатные подушечки.

Солнечные камни, помогающие в сложных решениях. Аметисты, чернеющие при контакте с ядами. Ониксы – камни жрецов, аквамарины – Хранители Моряков.

Сегодня я щедро одарила своими силами эти камни. Как

жаль, что все это не навечно. Некоторые амулеты способны подействовать только один раз, другие слабели со временем. Не могли самоцветы долго удерживать такую текучую силу, как Дар. Его не запрешь в клетке.

Я так увлеклась, что не услышала тихий скрип двери.

– Рамона?

У порога застыла Инира. С широко распахнутыми глазами и напряженными плечами. Бледная, но решительная.

– Хочу с тобой поговорить, – она нервно оглядела мастерскую, будто хотела убедиться, что под столом не прячутся отец или брат, а после аккуратно присела на табурет.

Видя, что подруга чем-то озадачена, я придвинулась ближе и взяла ее за руку. Какая холодная кожа!

Я считала Иниру своей подругой. Не только потому, что она невольно посодействовала моему побегу на равнину и поделила страшный ритуал. Девушка подкупала своей простотой и открытостью.

– Случилось что?

Инира молчала некоторое время, только кусала губы, не зная, как начать разговор.

– Завтра наступит мое двадцатилетие, – наконец, начала она. – Меня посвятят в старшие жрицы.

Ох, а я и забыла! Обычно девушки радовались этому событию, но Инира, похоже, разделяла мои опасения. Незвестность пугала и ее.

– Матушка Этера тебе что-то рассказала?

Инира вздохнула и поерзала, как будто сидела на кучке битого стекла.

– Нет. В том-то и дело, что нет. Лишь велела спуститься в главное святилище на рассвете.

В ее взгляде я прочитала неуверенность, а потом глаза Иниры увлажнились. Неожиданно для нас обоих она пода-лась ко мне и прижалась к плечу, всхлипывая.

– А мне страшно, я не хочу!

Горло сдавил подступающий спазм, я смогла лишь обод-ряюще погладить подругу по спине.

– Ну-ну, Инира, ты не должна плакать.

Как глупо это звучит! Мать Гор, ну почему, когда это действительно надо, я не могу подобрать верных слов? Заикаюсь и лепечу что-то бессвязное.

– Родители твердят, что это большая честь, что моя судь-ба предрешена, и я не должна гневить богиню сомнениями, но отчего-то, стоит мне подумать о долге, как внутри все хо-лодеет.

Она громко всхлипнула и утерла глаза рукавом. Устави-лась на меня вопросительно.

– А если ты не станешь этого делать? Они тебя заставят?

Инира тяжело вздохнула и пригладила выбившуюся из прически прядь. Пальцы мелко дрожали.

– Ты что! Я не осмелюсь противиться, я... Просто мне нужна поддержка, я боюсь до ужаса, мне каждую ночь снят-ся кошмары, будто меня терзают подгорные духи своими

страшными когтями. Я просыпаюсь в слезах.

Никогда не думала, что кто-то еще разделяет мои чувства. Так вот почему последнее время она постоянно ходила бледной, жаловалась на слабость и головную боль! Бедняжка не могла найти себе места, а выговориться было некому.

– Как мне помочь тебе? Скажи, что мне сделать? Хочешь, я поговорю с Верховной.

Инира замотала головой в ужасе.

– Не надо, только не с ней! Матушка Этера будет в гневе, после того случая со старейшиной Ольдом она ходит, как грозовая туча.

– Тогда я буду с тобой! – мысли завертелись колесом, я встряхнула сникшую подругу. – Я не брошу тебя, я проберусь в святилище до ритуала и спрячусь там.

– Не получится, это запрещено, – попыталась возразить она, но я уже все для себя решила. Одной дерзостью больше, одной меньше – какая разница! Я и так слышу нарушительницей запретов.

– Послушай сюда, Инира, – я поймала ее затравленный взгляд. – Я тебя не брошу. Я ведь умею создавать врата. Спрячусь в храме, никто меня даже не заметит. И, если во время ритуала что-то пойдет не так, помогу тебе.

Она глядела на меня расширенными глазами, на ресницах дрожали слезинки. Мне стало жаль подругу до ужаса, но что я могла сделать? Я не стану бросать Иниру в трудный час, заодно и посмотрю, что вскоре ожидает меня саму.

– Как ты мне собралась помогать?

Если бы я еще знала! Но, несмотря на отсутствие какого бы то ни было плана, я заверила ее самым спокойным тоном:

– Все будет хорошо, просто поверь.

С Ольдом я сначала тоже не знала, что делать. А теперь они с дочкой на свободе, наверное, уже нашли мать и живут счастливо. Ай да я!

– Веришь?

Мои слова сработали. Плечи Иниры опали, и она немного расслабилась.

– Ладно, – выдохнула и всхлипнула в последний раз. – Я тебе верю.

Глава 8. Тайна ритуала

Рамона

Я поднялась задолго до рассвета. Надела удобные штаны с туникой, волосы заплела в косу и обернула вокруг головы. Руки слушались плохо, а сердце громыhalo так, что, казалось, его слышит весь Антрим. Внутри сидел уродливый комочек страха, который пищал и ужасался тому, что я творю: с каждым днем становлюсь все более непокорной, мыслю не так, как должна. Но жить по-другому я уже не смогу.

Я узнаю, что скрывает матушка Этера!

Открыв нараспашку окно, я жадно вдохнула влажный ночной воздух. Наверху звезды перемигивались так беззаботно, что это казалось даже странным.

До восхода солнца оставалось больше часа, но я была должна попасть в храм первой. Перед глазами стояло заплаканное лицо Иниры, ее трясущиеся руки – как я смогу ей помочь? Понимая, что до сих пор не придумала ни одного мало-мальски рабочего плана, негромко выругалась.

Что ж, сначала буду просто наблюдать. Она почувствует мою немую поддержку, и все будет хорошо.

На этот раз обошлось – врата привели под своды главного святилища. Я бегло осмотрелась: ничего не изменилось, по центру все так же стоял алтарный камень – тяжелый, сонный и темный. Услышав чужое присутствие, на потолке вспых-

нули огоньки цинний.

Лик Матери Гор вынырнул из темноты. Мы встретились взглядами. Два крупных изумруда взирали бесстрастно и равнодушно, но, стоило отвернуться, как показалось – богиня недовольно нахмурилась.

Или то игра воображения?

Ладно, медлить нельзя. Сжав в ладони амулет, я отошла за колонны и прижалась к стене. Прежде я не пользовалась им для того, чтобы отвести глаза искателей, да и не была уверена в том, что он сработает против Каменных жриц, но рискнуть стоило. Тем более здесь всегда лежали густые тени, а я достаточно маленькая и хрупкая. Незаметная.

Турмалиновый кристалл в серебряной оплетке нагрелся, возвещая об освобожденной магии. Я убрала со лба липкие пряди и выровняла дыхание.

Вот так.

Держись, Инира. Сегодня ты не одна, я выполню обещание. Внутри теплилась слабая вера в то, что боимся мы напрасно, что накручиваем сами себя, а ритуал совсем не опасен. Иначе стала ли матушка Этера рисковать нашими жизнями?

Ох, лишь бы так и было!

Я так увлеклась, что не заметила, как пространство вокруг начало светлеть. Явились жрицы и засветили огни? Я попыталась шевельнуться, чтобы выглянуть из укрытия, но в этот миг начало происходить нечто странное.

Руку, в которой я сжимала амулет, с необъяснимой силой притянуло к скале – не успела я пикнуть, как она провалилась в камень, словно тот был кашей из глины. Меня захлестнула волна паники, я дернулась, как пойманная мошка.

Бесполезно!

Похоже, в этот раз я серьезно разгневала богиню, а горы решили меня проклясть. С жадностью они набросились на ноги, захватили в каменный плен. Все глубже и глубже я тонула в камне, чувствуя, как порода сдавливает кости. Вот-вот захрустят!

Ни звука не слетело с губ, камень начал покрывать грудь, живот, потом голову, лицо и шею. Словно мраморная скульптура я застыла в неподвижности, беспомощно вращая глазами. Рот был надежно запечатан, так, что даже при всем желании я не смогла бы позвать на помощь.

Нет! Нет-нет-нет! Я совсем не хочу умирать!

Я отчаянно позвала Дар, попыталась нащупать внутри себя его золотистые ростки. Но он молчал, будто я стала пустым сосудом.

В этот полный ужаса миг я увидела матушку Этеру. Она прошествовала в опасной близости – торжественно, с прямой спиной и задранной подбородком. Подошла к алтарному камню, поклонилась и метнула взгляд ко входу.

А мне только и оставалось, что молча глядеть на процесс, сгорая от ужаса. В голове не осталось ни одной связной мысли, я превратилась в беспомощный комок страха – жалкий

и совершенно обездвиженный. А я еще Инире помощь обещала, дура!

Верховная заговорила, и голос ее, усиленный магией, разлетелся во все уголки святилища. Она приветствовала старших жриц, что собрались вокруг с горящими кристаллами в ладонях. Она говорила, что сегодня особенный день, и в их ряды готова вступить новая сестра, чтобы полностью посвятить себя службе нашей пресветлой богине.

Я отыскала на стене лицо Матери Гор. Изумрудные глаза светились мягким, но вовсе не благодатным светом.

– Подойди, Инира! – Верховная протянула руку, и я, наконец, увидела подругу.

Она была в белой сорочке и с распущенными волосами – беззащитная и маленькая. Она вообще была чем-то похожа на ребенка со своим лицом в форме сердечка, с огромными испуганными глазами и пухлыми щечками. Ступая на цыпочках, девушка приблизилась к матушке Этере и склонила голову. Со спины к ней подошли две другие жрицы и, развязав тесемки на горловине, помогли раздеться. Сорочка упала на пол бесформенной лужицей, и Инира предстала перед ними полностью обнаженной. От этого зрелища у меня сжалось сердце, а горы, которые держали меня в плену, загудели в предвкушении.

Что здесь происходит?!

– Ты готова? – спросила матушка, глядя на девушку ласково. Так, как хозяин глядит на овцу, которую скоро поведут

на закляние.

— К чему я должна быть готова, Верховная? — Инира зябко повела плечами.

— К оказанной тебе великой чести — стать старшей дочерью богини, старшей жрицей, хранительницей мира и безопасности Антрима.

Подруга кивнула.

Две сестры подхватили ее под локти и помогли забраться на алтарь, улечься на спину. Инира делала это с неохотой — руки и ноги сгибались туго, будто она была плохо сделанной деревянной куклой. Конечно, подруга не могла меня видеть, и я пыталась докричаться до нее мысленно, утешить и подбодрить. Только кто бы помог мне самой?

Еще одна старшая жрица подошла к алтарю, держа в руках длинную шкатулку из змеиноного камня. Матушка Этера откинула крышку и достала нож наподобие того, какие мы использовали в ритуале с Ольдом.

Зачем ей это страшное оружие?! Ох, Матерь Гор...

Иниру терзал тот же вопрос. Она приподнялась на локтях и что-то спросила. Верховная покачала головой, наклонилась к ней. Я не могла расслышать с такого расстояния их голоса, не видела губ, чтобы прочесть хотя бы по ним.

Сердце колотилось так громко и беспокойно, что его могли услышать все, несмотря на покрывшую меня толщу породы. С каждым мгновением узел в животе закручивался все туже, я пыталась дергать ногами и руками, но не могла сдви-

нуться ни на волосок.

Горы держали крепко.

Наконец, матушка Этера закончила говорить и разогнула спину. Огни в святилище вспыхнули ярче, а алтарь из кровавого камня начал просыпаться: по поверхности зазмеились багровые жилы, свернулись клубками. Жрицы затянули песнь, какую я не слышала ни разу. Она пробирала до мурашек, ввинчивалась в лоб и затылок, рвала голову изнутри. Одновременно с этим порода давила на меня со всех сторон, будто желая стереть в порошок.

Я медленно и мучительно умирала. Не могла даже кричать, чтобы выплеснуть части скопившейся боли. Сквозь мутную пелену слез видела, как трое старших жриц сжали плечи и ноги Иниры и со всей силы вдавили в камень. А потом от него отделились призрачные алые языки и спеленали ее так, что она не могла даже пошевелиться. Храм огласил сдавленный вскрик, почти сразу перешедший в оглушительный визг. Моя подруга кричала и плакала, пыталась вырваться, но все было бесполезно.

Она поняла, мы обе поняли, что должно произойти. Суть ритуала стала кристально ясной, и как я раньше не догадалась!

Время понеслось с поразительной скоростью, каждое мгновение приближало к развязке. Голоса жриц казались визгливыми и дребезжащими, как проржавевшие пилы. Хотелось заткнуть уши, вырваться из каменных объятий, а по-

том схватить Иниру в охапку и сбежать подальше от всего этого сумасшествия.

Но матушка Этера уже занесла над ней нож и решительно опустила руку.

Все потонуло в ярко-алом свете. Он ударил по глазам, и показалось – я ослепла. Долгие-долгие мгновения плавала в пустоте и тишине, а потом мир начал приобретать привычные очертания. Вокруг высились своды храма, все так же светились изумрудные глаза богини на стене. На алтаре застыло распростертое тело Иниры.

Я плакала беззвучно, жалея, что не могу заорать в полный голос. Только сейчас я осознала, почему кровавый камень носит такое название, и почему из него делают алтари и украшения жриц. Только от этого открытия не легче.

Верховная отложила нож в сторону, закрыла собой тело подруги и что-то делала с ее грудной клеткой. Борясь с тошнотой, не в силах смотреть на все это варварство, я закрыла глаза и на какое-то время лишилась чувств, но голоса песни вернули меня в реальность.

Они были похожи на перезвон волшебных колокольчиков – легкий и нежный, ласкающий душу и слух.

Рука Иниры слабо дернулась, а потом девушка села и недоуменно огляделась. Ее слегка пошатывало, волосы растрепались и укрыли плечи неряшливым черным покрывалом, но...

На ней не было ни следа крови! Только алый шрам выде-

лялся на молочно-белой коже. Это не укладывалось в голове, я ведь видела, точно видела, как нож вошел в ее плоть!

Лишь сейчас я заметила, что в ладони матушка Этера держит маленький сияющий сгусток – он переливался всеми оттенками алого и трепетал, как крылья маленькой птицы. Или как... человеческое сердце! Я не могла оторвать от него взгляда, смотрела и не верила глазам.

Когда жрицы помогли Инире подняться и облачили ее в золотые одежды, Верховная сказала:

– Дитя, ты отдала самое дорогое ради нашего общего дела.

Призрачные алые щупальца потянулись к подношению, камень сыпанул искрами и поглотил то, что называлось сердцем. Но это был вовсе не орган, что гоняет кровь по телу, а частица души – та, что нельзя потрогать. Но, как оказалось, можно отобрать.

С этого момента Инира стала бессердечной.

Мгновения тянулись так медленно, что казалось – я схожу с ума. Ритуал завершился, и жрицы одна за другой покинули храм. Матушка Этера уходила последней: загасила каменные светильники, остался только голубоватый свет цинний, в котором лицо ее казалось похожим на лицо утопленницы.

Когда шаги стихли, и в святилище воцарилась пугающая тишина, пути ослабли – я почувствовала, что меня больше ничто не держит. Тело рухнуло кулем, локти и колени больно ударились о твердый камень – я застонала. Слепо заша-рила по полу, потом оперлась трясущимися руками и при-

поднялась. Меня трясло, как в лихорадке, мышцы превратились в дрожащую бесформенную массу, волосы застилали лицо. Каждый вдох давался с трудом, будто ребра и легкие действительно размолотило в кашу.

Перед глазами вспыхивали картины кровавого ритуала. Никогда в жизни я ничего подобного не испытывала. При воспоминании о том, как нож Верховной вонзился в грудь Иниры, собственное сердце начинало болеть.

Да, подруга поднялась с алтаря живая. Выглядела, как Инира, но в то же время это была не она. Переродилась другим человеком, лишившись того, что у нас называют сердцем или частицей души. Что переживала она, глядя в непреклонное лицо матушки Этеры? Чувствуя, как магические путы удерживают руки и лодыжки, надеясь, что я каким-то чудом смогу ей помочь.

А я...

А что я? Оказалась слаба и беспомощна. Совершенно бесполезна. Более того, подобная участь скоро ждет и меня.

С огромным трудом, будто проведя в плену камня тысячу лет, я смогла разогнуться и встать на ноги. Перед глазами все кружилось и плыло, воздух показался до ужаса затхлым. Повинуясь неясному чувству, я побрела к алтарю – еще не спящему, теплomu. Жар его звал и притягивал.

Собрав остатки сил, я ударила по нему кулаком. Потом еще раз, и еще... Совсем потеряв разум, я колотила алтарный камень со злостью, с непониманием, с желанием раскры-

шить это ненасытное чудовище в пыль. Так вот, значит, как! Так вот, почему суть ритуала от нас скрывают, ведь в противном случае мало кто из жриц решился бы добровольно отдать кусок себя – свою душу.

Я сползла на пол и привалилась лбом к алтарю.

– Что же ты такое? – вырвался всхлип. – Неужели без этого никак?

Неужели для поддержания жизни и безопасности Антри-ма мне придется через это пройти, стать бесчувственной и холодной, забыть все, что я любила? Забыть Ренна?

– А я не хочу! – еще раз саданула кулаком по камню.

Интересно, отец знает тонкости ритуала? Ему все равно? О, знаю, стоит мне ему выложить правду, как он отругает меня за слабость и эгоизм. Он не уставал повторять, что я думаю только о себе и иду на поводу у своих желаний.

Молнией вспыхнула мысль – а что, если сбежать? Затеяться в шумной Лестре или какой-нибудь мирной деревушке на равнине. Притвориться той, кем я не являюсь.

Нет уж.

Пойти по самому простому пути нечестно. Как я могу убежать и оставить их всех здесь? Сколько еще девушек должны принести себя в жертву?

Сердце упрямо твердило, что я должна увидеться с Ренном еще раз, это поможет найти разгадку.

Надеюсь, Ольд передал просьбу о встрече.

Глава 9. Весточка с гор

Реннейр

В таверне было многолюдно, народ едва на ушах не стоял. Столы ломились от выпивки и закусок, а хозяин, старина Эд, весело потирал ладони да гонял девок подавальщиц, чтобы те меньше болтали с посетителями и бегали резвей.

В углу обосновался бродячий бард, пегий щуплый мужичонка с намечающейся лысиной и пивным брюшком. Он рвал струны лютни и горланил известную непристойную песенку, вызывая одобрительные смешки. Я знал слова наизусть, но даже под пытками не присоединился бы к этой галдящей толпе, потому что слова – редкостная гадость и безвкусица.

– Ренн, ты что такой кислый?

Я перестал разглядывать дно кружки и поднял взгляд на Лейна. За его спиной вертелись девицы в откровенных платьях, одна из которых все время стреляла глазами в сторону нашего стола.

– Скучно.

Лейн опустил кружку на стол, расплескав несколько капель. Сегодня он составил мне компанию, потому что Варди, с которым мы обычно посещали подобные злачные места, еще не вернулся из Волчьей Пустоши.

– И чего тебе надо, скажи на милость! Вернулись живыми

из этой глухомани, сиди да радуйся! – и загоготал.

В последнее время мое поведение вызывало ненужные вопросы у моих ребят. Нет, конечно, я всегда благодарен им за заботу и поддержку, но это уже перебор. Никому не позволю лезть в душу, сам буду кормить своих демонов.

– Схожу в кусты, – сообщил Лейн. Поднялся, кренясь вбок и цепляя ногой стул, и, пошатываясь, побрел на свежий воздух.

А меня хмель не брал. Я никогда не надирался до потери пульса, не видел в этом смысла – мне нужна была трезвая голова в любое время дня и ночи, но сегодня хотелось забыться. Внутри копошилась странная тоска, то ли дело в нелегком походе, оставшемся за спиной, где пришлось выжигать зачатки мятежа и проливать кровь – снова, снова и снова, будто я все еще не вернулся с войны. То ли всему виной другая причина. И думать об этом не хотелось, я гнал прочь эти мысли, но они всякий раз лезли в голову, стоило закрыть глаза.

И так от всего тошнило, что хотелось содрать кожу и сжечь. Еще этот проклятый амулет, подсунутый заботливым папашей. Никак не пойму, как от него избавиться.

В этот момент бард взял последний фальшивый аккорд, и, пока публика не успела остыть, заиграл очередную веселую песенку. Я откинулся на спинку стула, поглядывая краем глаза на подозрительного мужика – я видел его в Лестре впервые, но что-то в его чертах казалось смутно знакомым.

Он переговаривался с Эдом, возившимся за стойкой, то и дело бросая в мою сторону хмурые взгляды. Потом натянул шапку по самые брови и сгорбился, будто всеми силами старался остаться незамеченным.

Наконец, решившись, он поднялся и направился в мою сторону. Отодвинув стул, сел.

– Здравствуй, Зверь-из-Ущелья, – начал, потирая гладкий подбородок со следами недавнего бритья.

На вид ему было слегка за сорок. Из-под шапки на плечи спадали черные кудрявые волосы, туника натягивалась на крепких плечах – незнакомцу был близок тяжелый труд. Я не стал спрашивать, откуда он знает мое прозвище и мое лицо, это и так каждой собаке известно.

– Чего хотел?

Он откашлялся и подался вперед, сверля меня темными, как угли, глазами.

– Есть для тебя послание.

– От кого?

А вот это уже интересно. Кому понадобился верный пес лорда? И, главное, зачем?

Мужик осмотрелся, будто хотел убедиться, что нас не подслушивают. Но посетители были увлечены женщинами и пойлом, да и бард орал так истошно, что даже при большом желании нас подслушать было бы сложно.

– От женщины. Даже не знаю, за каким духом ты ей сдался, – не удержался от едкого комментария мой собеседник.

– Не интересуется, – грубо прервал его я, давая понять, что разговор окончен. Передавали мне пару раз подобные предложения. Один раз знатная дама, жена чиновника, другой – вдовушка, которая на людях пыталась казаться святой. Обе хотели со мной встретиться для приятного времяпрепровождения, рассчитывая, что осчастливят меня подобной просьбой.

Я хотел было встать и уйти, раз этот тугодум продолжил сидеть, не поняв прямого намека, но он вдруг схватил меня за руку.

– Рамона велела передать, что будет ждать тебя на ярмарке.

Незримый кулак впечатался прямо в солнечное сплетение, на миг лишив способности видеть и дышать. Отзвуки знакомого имени отозвались глубоко внутри тянущей болью.

Ра-мо-на...

Когда я, придя в себя, хотел выпытать подробности, то понял – его и след простыл. Как будто он был подгорным духом, каким-то чудом попавшим на равнину.

– Эй, Зверь, чего такой огорошенный? – подоспевший Лейн похлопал меня по плечу. Около него вились две густо накрашенные девицы, одну он держал за талию. – Я тут нашел нам компанию на вечер... Ренн?

Но я уже пересек прокуренное помещение таверны и вылетел за дверь. Куда делся этот... Проклятье! Двор был пуст, только какого-то пьянчугу шумно рвало у порога.

Ругая себя за невнимательность, я бросился в погоню. Выбрал самый плохо освещенный проулок, догадываясь, что он мог свернуть именно туда. И кто он вообще такой? Почему кажется, что я его раньше видел?

И каким образом эта неугомонная жрица задумала попасть на лестрийскую ярмарку?! Опять в мальчишку превратится?

В памяти вспыхнули глаза цвета сосновой смолы, тонкие запястья, мягкость и гибкость молодого тела, и запах – тот сладкий и нежный аромат, которым может пахнуть только желанная женщина. Она была такой незащитной – одна, в окружении чужих подвыпивших мужчин. Если бы они только решились... Если бы хоть пальцем ее тронули...

Я выругался. Перескочил наваленные посреди дороги ящики, груды мусора, потревожил спящего возле обьедков кота. Быстрее, быстрее! Пока этот человек, если он, конечно, не бесплотный дух, не успел уйти далеко.

Наверное, боги все-таки существуют. В конце проулка мелькнул темный силуэт, и я прибавил шагу. Догнал в два счета, схватил за плечо и со всей силы приложил о стену.

Спрятанный в рукаве нож в одно мгновение оказался у чужой глотки.

– Говори, кто ты такой, и откуда знаешь ее, – процедил сквозь зубы.

Незнакомец дышал, как загнанный зверь. Прожигал меня тяжелым и злобным взглядом.

– Я передал все, что нужно. Остальное тебя не касается.

– Говори, я не люблю повторять дважды, – для убедительности сильнее надавил на нож. Пусть только дернется.

Он молчал еще какое-то время, потом произнес:

– Она спасла меня и мою дочь.

– Ну и? Что дальше? – приходилось тянуть слова буквально клещами, но отступать я не собирался. Если понадобится, найду способ разговорить этого молчуна.

– Убери это, – он бросил короткий взгляд вниз. – Я не сбегу. Слово искателя.

От неожиданности я ослабил хватку, но оружие убирать не спешил. Никогда не доверял таким подозрительным типам. Да, пусть думает, что я дикарь. Плевать.

– Ты пришел в Лестру только затем, чтобы передать послание? И не побоялся?

Мужик вздохнул, кадык на жилистой шее дернулся, а я все же отвел руку с ножом. Он потер шею ладонью, потом стянул шапку и смахнул капли пота с лица.

– Это не совсем так, Зверь-из-Ущелья. Это история долгая и невеселая, я бы не хотел обсуждать ее с тобой.

– Но тебе придется это сделать, если хочешь уйти отсюда живым и невредимым.

Искатель недовольно поджал губы и снова поглядел на нож в моей руке. Сообразил, что свою кличку я получил не зря.

– Хорошо, – буркнул и снова натянул шапку.

Только сейчас я понял, что интуиция не подвела – мы встречались мельком! И раньше он выглядел куда лучше.

– Следуй за мной, Зверь-из-Ущелья.

Глава 10. Спасти брата

Рамона

– Чего подкрадываешься, как кошка к хозяйской сметане? – грубо спросил брат, разворачиваясь всем корпусом и бросая на верстак перчатки.

Вокруг в беспорядке лежали инструменты, пол был засыпан металлической пылью, которую он не спешил убирать. Когда такое было?

Я уже несколько недель наблюдала за Ормом, чутье подсказывало – он стал сам не свой. С раннего детства я чутко улавливала изменение чужих эмоций и поведения, могла читать настроение только по движению губ или глаз, а мой старший брат... Он ушел в себя. Мог бесцельно бродить по коридорам Скального города, ссутулив плечи, долго корпеть в мастерской над очередным амулетом, но все они получались безликими. И это работы Орма, которого называли одним из лучших мастеров Антрима!

– Что с тобой происходит? – не выдержала и подошла ближе. Стиснула пальцами плечо и заставила обратить на себя внимание.

Вокруг глаз серые круги, на белках выступили росчерки алых сосудов, губы побледнели. Кажется, кто-то плохо спит...

– Ничего особенного, – буркнул и снял с полки пасту для

полировки. – У меня много работы. Просто я устал.

– Ты с кем-то поссорился? – осторожно поинтересовалась я.

С того раза я не видела их с Сорой вместе. А если дело в этом?

– Я же сказал... – начал раздраженно, и воздушная филигрань заготовки в его руке погнулась. Увидев, что натворил, Орм выдохнул и отвел глаза. – Я хочу побыть один.

– Слушай, братец! Я же вижу, что ты сам на себя не похож. Ходишь, как медведь-шатун.

Он прервал меня, хлопнув ладонью по столу. Я даже подпрыгнула от испуга и неожиданности.

– Шла бы ты отсюда, Белка. В святилище, глядишь, дел по горло.

Он меня прогоняет! Я шумно втянула воздух и с трудом поборолла желание затопать ногами – вот упрямец! И дурак.

– Ну как знаешь! – подхватив подол платья, я зашагала к выходу из мастерской, громко топая подошвами. – Больше я тебе и слова не скажу! Сам ведь придешь помощи просить, – бросила на прощание, но на душе было тяжело.

Иниру спасти я не смогла. Надо попытаться хоть что-то сделать для брата.

* * *

– Эй, ты-то мне и нужна!

Я выловила Сору в одном из коридоров. Подруга шла, груженная свертками, и не ожидала нападения из-за угла.

– Тьфу на тебя! Я чуть в штаны не наделала! Чего кидаешься, как дух подгорный?

– Что у вас с ним? – спросила откровенно, приперев Сору к стенке. – Сколько можно скрывать-то, ну? Мы ведь подружки.

К чести Соры, она не стала отпираться. Сразу признала, мило краснея, что у них с Ормом с недавних пор любовь и тайные встречи.

– Только ты никому, – зашипела, сделав страшные глаза. – Если твой отец узнает...

Ветер, ворвавшийся в грубо вытесанное в скале окно, взметнул волосы Соры, и в этот миг, зардевшаяся и прикусившая губу, она показалась невероятно хорошенькой.

Вот тебе и мальчишка в юбке. Понятно, почему брат не смог пройти мимо.

– Сейчас мой отец – это не самая большая проблема, поверь.

– Ну... в общем... мы... – подруга потерела рукава. – ...мы собираемся пожениться... потом... когда Орм попросит у родителей моей руки. И, если ваш отец, конечно, разрешит...

Мы смотрели друг на друга. Молчали.

Наверное, я должна была что-то сказать, но страх и предчувствие необратимого сжимало горло. Как будто мы все –

фигуры на игральной доске, медленно занимали свои места, чтобы вскоре разыграть партию не на жизнь, а на смерть.

Я, Ренн, отец, Сора, Орм, матушка Этера, Инира, Тира, Ольд... Кто там еще? Новые лица?

– Рамона, – вдруг шепнула Сора, и брови ее страдальчески приподнялись. – В последнее время я Орма не узнаю. С ним творится что-то странное. С тех пор, как он пришел из похода на Красных Топоров, стал каким-то отрешенным, может нагрубить, – она сглотнула так, что хрящик на тонкой шее судорожно дернулся. – Мне кажется, его что-то терзает.

Тебе не кажется, Сора. Не кажется. Он кого-то убил, нарушив один из заветов. Мой брат выгнивает изнутри.

– Я постараюсь помочь.

Да что я могу?..

Разве что не сдаваться.

* * *

Стебель денника почти догорел.

В этот день я не должна была проводить ритуалов, но все равно посетила храм: вознесла молитву Матери Гор, попросила за Орма. Пусть образумит брата и пошлет покой его мятущейся душе.

А потом долго-долго стояла на коленях, погруженная в безрадостные мысли. Они затягивали, как болото, и я никак не могла вырваться из этой трясины. Казалось, что в гряз-

но-бурой глубине притаилось чудовище, оно смеялось надо мной и моими жалкими попытками что-то изменить.

– Рамона? – послышался знакомый голос, и я вздрогнула. Медленно повернулась.

Сзади неслышно подошла Инира и теперь смотрела на меня в упор. В руках подруга держала медный поднос с ароматическими палочками, букетиком вереска и россыпью кварцевых кристаллов. Волосы убраны в высокую прическу, спина прямая, платье с широкими рукавами закрывает кисти. Лицо бесстрастное, как маска.

Со дня посвящения мне так и не удалось ее увидеть, словно Инира нарочно ускользала, и сейчас сердце зашло от неожиданности. Я глядела на нее жадно, пытаюсь понять, она это или не она, а внутри змеиными кольцами сворачивалась жалость.

– Что ты на меня так смотришь? – она подарила мне улыбку, но я не почувствовала в ней глубины и искренности, как это было раньше. И стало так больно, будто полоснули ножом по открытому сердцу.

Я медленно обошла ее кругом.

– Как ты себя чувствуешь... после ритуала посвящения? Она пожала плечами.

– Со мной все замечательно. Я стала лучше слышать камни, Матерь Гор говорит со мной их голосами, – она чуть наклонила голову и посмотрела на меня из-под ресниц. – Помнится, ты обещала прийти и поддержать меня, Рамона...

Впрочем, неважно. Все равно со мной не делали ничего дурного. Когда настанет день твоего посвящения, ничего не бойся. Матушка Этера знает, что надо делать. Но пока я связана печатью молчания, поэтому не могу открыть тебе его суть.

Хотелось закричать: «Неужели ты все забыла! Жуткий алый свет, нож в руках Верховной, твой крик?» Меня накрыла волна удушливой паники.

– Прости, – прошептала, сама не зная толком, за что извиняюсь. То ли за свою слабость, что ничем не смогла ей помочь, то ли за то, что стою перед ней целая, способная испытывать всю палитру чувств и эмоций, тогда как ее сердце, ее бессмертную душу поглотил кровавый камень.

Подруга кивнула с достоинством и прошла мимо меня к столу для подношений, а я осталась растерянная и совершенно запутавшаяся.

Неужели *это* все во благо? Неужели нельзя избавить жриц от подобной участи? Я не верю, что Матерь Гор этого хочет. Надо непременно помочь Инире и другим девочкам!

Главный вопрос – как?

У меня пока не было ответа, знала я лишь одно – раз испокон веков жрицей могла быть только невинная девушка, не знавшая мужчины, то...

Придется решать эту проблему. И чем скорее, тем лучше.

Глава 11. Снова на равнину!

Рамона

Последнюю неделю время несло со скоростью молнии, и вот мы собираемся на равнину. Обозы нагрозили товаром и продовольствием так, что те трещали и грозили лопнуть, как переспелые фрукты. Отец довольно потирал руки, предвкушая хороший заработок, этой зимой мы точно не будем голодать.

– Готова? – Орм похлопал меня по плечу, и я вымученно улыбнулся. Кажется, поход расшевелил брата, и ему стало лучше. – Не понимаю, как это отец позволил тебе отправиться с нами.

– Сама не знаю.

И правда, его добродушие казалось слишком подозрительным, хотя я упорно гнала от себя эти мысли. Буду наслаждаться каждым днем, а там посмотрим.

Дорога выдалась спокойной, без происшествий. Мы могли не опасаться банд разбойников, если кто и остался в этих горах, то теперь они затихли надолго. Конечно, врата уменьшали возможность напороться на лихой люд, большие расстояния все равно приходилось преодолевать пешком. К тому же не все обозы могли втиснуться в пространственный проход.

Лежа ночью под бескрайним и полным звезд бархатным

небом, я думала. Вспоминала. Закрывала глаза и представляла, что это не ветер гладит раскрасневшиеся щеки, а теплые нежные пальцы.

После ночевки в окрестностях Лестры мы вошли в город – рассвет только занимался. Алый с розовым, он заставил черепичные крыши гореть и переливаться красками осени, и пряное ее дыхание отчетливо витало в воздухе.

Я смотрела по сторонам и не могла до конца осознать, что наконец-то попала в большой мир. Тот побег на праздник Маков был лишь прелюдией, когда я увидела кусочек иной жизни, но в этот раз все было другим – больше, глубже, шире. Равнина проникала в мою кровь, душу, сердце. И если ее оттуда вырывать, то только с мясом.

Лестра была огромной и немного пугала, но от этого страха сердце радостно трепетало, хотелось со всей силы броситься новому непривычному миру навстречу. От разноцветья рябило в глазах, а голова кружилась от запахов: на ярмарку съехались торговцы со всей Арнерии, привезя уйму самых невероятных товаров. Безделушки, посуда, оружие, ароматные масла и мыла, ленты, ткани... У меня просто глаза разбегались и, дай мне волю, скупил бы все, до чего дотянулись руки!

А еще я увидела беловолосых северян с кожей тонкой и светлой, как лепестки лилии, и прозрачной, как шелк. Увидела шумных загорелых южан с вязью цветных татуировок, с немыслимыми прическами и в совершенно неприличной

одежде. Они гомонили, как сороки, сверкали белозубыми улыбками и, кажется, ничего и никого не боялись.

– Чего по сторонам глядишь, ворон считаешь? – недовольно бурчал отец, раскладывая на прилавке амулеты.

В нашей палатке словно ожил осенний лес: когда солнце падало на расшитую металлическими нитями ткань с узорами из листьев, те горели багрянцем и золотом. Я, как лесная фея из сказок, была одета в зеленое платье, а в волосы вплела гранатовые бусины.

– Прости, отец, я не нарочно, – и взгляд невинный-невинный. Как у овечки.

Знал бы он, что я задумала, оторвал бы голову.

– Раз уж я тебя сюда взял, будь добра, води себя скромно и рот не разевай понапрасну. Да смотри в оба, чтоб ворье не вздумало поживиться нашим товаром!

Я кивала и продолжала скользить взглядом по разношерстной толпе, надеясь увидеть знакомое лицо. Каждый раз вздрагивала, стоило появиться в людском море темноволосой макушке, но каждый раз не он, не он...

– Эй, почем вот эти самоцветы? – обратился ко мне противный старикашка, разодетый в яркие тряпки. Он брезгливо осматривал прилавок, словно на нем были разложены не амулеты, а тухлые яйца.

Проглотив столь откровенное пренебрежение, я изобразила на лице улыбку. Как назло, куда-то отец с Ормом отошли! Кажется, кто-то из искателей поймал воришку, требо-

валось разобраться. А я осталась один на один с покупателями, совершенно растерянная.

– Сколько? – старик приложил ладонь к уху, услышав цену. – Вы там что, совсем рехнулись? За какие-то булыжники! А если амулет работать не будет, кто мне денежки вернет? А? Чего? Не слышу, громче говори, девчонка!

Он ушел, выпив у меня всю кровь. Я украдкой смахнула пот со лба и выдохнула – оказывается, торговать на ярмарке совсем непросто, здесь никто не смотрит на меня с уважением и благоговением. Напротив, одни пялятся, как будто у меня две головы и пять рук, другие бросают сальные взгляды, так, что хочется как следует умыться, а третьи ходят мелкими группками и гадают исподтишка. Одного из искателей вообще загнали в угол и хотели побить городские бездельники, но наши мужчины его вовремя отстояли.

– Как торговля, Монка? Много продала? – подошел сияющий Орвин.

Двоюродного брата тоже взяли в Лестру, чему я была несказанно рада. Всю дорогу мы подбадривали и смешили друг друга, как будто каждому снова было по десять лет. Отец с дядюшкой Льерром ворчали, но приструнить нас окончательно так и не смогли. А меня шутки братца отвлекали от тягостных мыслей, благодаря Орвину я на время забывала ужасные картины посвящения Иниры.

– Торговля идет. Еще немного, и тебя переплуну!

– Так нечестно, – притворно расстроился брат. – У тебя

покупают больше, потому что ты красивая! Они отсыпают арнерианские сенты только затем, чтобы увидеть твою улыбку.

Я прыснула, а Орвин наклонился к уху и зашептал:

– Ко мне тут какие-то девчонки приставали, наверное, перепутали с кем. Про какой-то праздник Маков спрашивали, куда я запропал и почему волосы перекрасил. Представляешь?! А еще Ори называли...

Я подавилась воздухом и застыла, глупо приоткрыв рот.

Ой-ей. Вот это я дел наворотила! Щеки загорелись от стыда. Бедный Орвин! Это точно Бетти и ее подруги из деревни. Ох, лучше бы ему с ними больше не сталкиваться, а то потом начнутся расспросы, подозрения...

– А что это вы тут бездельничаете? – к нам подошел Горт с парочкой своих друзей. Эти верзилы загородили прилавки массивными фигурами, мешая обзору. – Веселишься, Рамона? Нравится Лестра? – парень озорно подмигнул.

Его внимание всегда смущало, захотелось отойти вглубь палатки и задернуть полог, но вместо этого я ответила:

– Этот город волшебный. Есть от чего потерять голову.

Мы продолжали болтать о какой-то ерунде, парни улыбались мне, пользуясь тем, что Орм с отцом отлучились, а Орвин не был таким суровым и вредным и не стремился сбивать кулаки о каждого, кто посмеет поглядеть на сестру. Но внутри себя я молила их скорее уйти, я ведь ждала кое-кого.

Жаль, он не спешил. Неизвестно, появится ли вообще, по-

тому что существует сотня причин, по которым он не может этого сделать.

И вдруг, когда я успела отчаяться и приуныть, кожу будто огнем мазнуло. Я ощутила пристальный, пробирающий до костей взгляд, задержала дыхание, судорожно вцепилась в рукава платья.

А потом увидела *его*.

Глава 12. Желанная встреча

Реннейр

Я нервничал, как мальчишка.

Долго сидел на постели, зарывшись пальцами в волосы и пытаясь найти причину, почему я не должен идти на ярмарку. Как назло, у лорда не было для меня никаких поручений, и этот день я мог посвятить только себе.

Но разум метался, а тело... Я чувствовал себя так, будто меня поджаривают на медленном огне. В последнее время начал ощущать навязчивое жжение в грудной клетке, чаще всего оно возникало, когда начинал думать о Рамоне. Из груди разливалось по всему телу, бродило под кожей и, в конце концов, сосредотачивалось в правом запястье – там, где поселился проклятый браслет.

Все. Решено. Отправляюсь к жрецам Отца Равнин и выясню, как его обезвредить, пока он окончательно не свел с ума и не спровоцировал на поступки, о которых потом пожалею. Внутри себя я знал, что не смогу причинить искателям вреда, и дело не только в Рамоне. Эта уверенность была железной, но иногда и она покидала меня.

Когда паршивый браслет жалил нетерпением, заставляя меня предпринять хоть что-то, и когда отец начинал терзать намеками. Утро только началось, а я уже был так зол, что хотелось что-нибудь сломать, выплеснуть скопившееся напря-

жение, лишь бы не чувствовать этого мучительного зуда в костях, в мыслях, в самом моем существе.

Очнулся я только на городской площади. Может, я начал сходить с ума? Потому что плохо помнил, как оказался здесь. Ноги сами принесли.

В тот вечер, когда ко мне в таверне подсел Ольд, я узнал всю историю искателя и роль Рамоны во всем этом. Он дал ей слово, что передаст просьбу о встрече. Я, почти смилившийся с тем, что должен отпустить ее, ощутил странную хмельную радость. Как глупец, ей-богу.

Вокруг сновал разномастный люд, зазывалы орали, не жалея глоток. Втягивая воздух, как гончий пес, я твердым шагом направился в те ряды, где обычно можно было найти искателей.

Показалось, что между палаток мелькнула рыжая макушка – я замер на месте, как вкопанный. И тут...

Взгляд выхватил из толпы знакомую фигурку.

Она.

Рамона кутала плечи ярко-алым платком и смеялась так заразительно, что четверо искателей, окруживших ее, точно стражи, не выдержали и поддались веселью. А жрица хохотала, запрокинув голову и обнажив белоснежные зубы, совершенно не стесняясь своего порыва. В этот момент она была такой живой, такой настоящей, будто лучик, неведомо как пробившийся сквозь тучи. Солнце играло в огненных волосах, растекалось золотом, а ветер ласкал тронутые румянцем

скулы и раскачивал длинные серьги с алыми бусинами, похожие на грозди южных фруктов. Те гладили шею, когда она наклоняла голову, и я остро сожалел, что сам не могу коснуться ее кожи.

Рамона. Мо-она...

Барды сравнивают женский смех с перезвоном колокольчиков или журчанием ручья, но мне переливчатый смех Каменной жрицы напоминал рассыпавшиеся алмазы – когда разжимаешь кулак, и те катятся по каменному полу, весело подпрыгивая.

Боги, как я соскучился! Понял это окончательно только сейчас, и от осознания скрипнул зубами так, что те едва не раскрошились. Увальней, что сгрудились вокруг, захотелось разогнать пинками, а ее сгрести в охапку и зацеловать до полусмерти. Она источала свет, мне хотелось напиться этим светом, искупаться в нем, бессовестно присвоить себе.

Только себе. Потому что невыносимо видеть с ней другого. Знать, что она не принадлежит мне и принадлежать никогда не будет, что я хожу под одним с ней небом, дышу одним воздухом, но не могу прикоснуться – мучительно. Эта боль выворачивает суставы, потрошит заживо, вытаскивая ржавым крюком наружу самое потаенное, запретное, непозволительное – мою слабость.

Надеялся, наивный, что смогу отпустить ее в ночь праздника Маков, что буду выше всяких привязанностей. Но сейчас полузадушенное чувство вспыхнуло с новой силой,

разгоняя по венам отраву. Бывалый солдат, дехейм лорда, Зверь-из-Ущелья прибежал по первому зову, как пес.

Как нищий, которому посулили мешок золота. Как волк, почуявший кровь.

Будь проклят этот Ольд, жаль, что он не сгинул где-то по дороге в Лестру! Зря я узнал, что она будет здесь, потому что просто не могу. Теперь не могу бороться с этой бешеной тягой.

* * *

Рамона

Он подошел так близко, стоял у соседней палатки, небрежно сложив руки на груди, а из-за плеча выглядывала рукоять страшного клинка. Лестриец смотрел так серьезно, задумчиво, с ожиданием и обещанием чего-то, и от осознания этого меня накрыло мощной волной, лишило воздуха.

Ренн выглядел усталым и осунувшимся: щетина отросла, скулы выделялись сильнее, чем раньше, но глаза сверкали бешеным огнем, когда он смотрел то на меня, то на искателей рядом. А мне безумно хотелось разогнать их всех, даже Орвина, чтобы хоть несколько мгновений провести с моим лестрийцем наедине, ведь нас разделяло всего несколько шагов – пройди и дотронься рукой.

Но здесь, под прицелом чужих глаз и ушей я не смогу поговорить с ним, не смогу коснуться, да и Горт все рядом оти-

рается, возомнил себя моим защитником или нянькой. Прибила бы!

Казалось, что все до единого видят и понимают, в каком состоянии я нахожусь, как я горю и тлею, но специально издеваются!

Наконец, когда игра в гляделки Реннейру надоела, он направился ко мне уверенным шагом. И эта уверенность, мужская непоколебимая сила волной окатила стоящих рядом. И братец, и Горт со своей компанией вдруг вспомнили о неотложных делах и поспешили раствориться.

– Господин что-то хотел? – спросила я ласково.

Ренн сощурился, глядя исподлобья, и шумно втянул воздух.

– У меня есть то, чего нет у других.

Взгляд глаза в глаза, и по спине скользнула стайка мурашек. Сейчас мы совсем одни... почти... не считая сотен людей вокруг.

– И что же у тебя есть особенного, дочь гор? – он изогнул левую бровь, а край рта дернулся в едва читаемой улыбке.

Глупое, глупое сердце! Это ведь совсем ничего не означает. Или, наоборот, значит слишком много – столько, что мой разум просто не в силах это осознать.

– Вот эти чудесные камни и парочка секретов в запасе. Но секреты даром я не отдаю.

– Я щедро заплачу.

Со стороны могло показаться, что это вежливая беседа с

покупателем, и только мы двое знали, что на самом деле кроется за этими пустыми словами.

И сейчас... Никого рядом? Все заняты своими делами? Отлично!

Я кивком велела обойти шатер, а потом схватила за рукав, молниеносно затянула его внутрь и задернула полог. Мы оказались отрезаны от всего мира.

Сумасшедшая! Если кто-то увидит... Впрочем, плевать! На все плевать, потому что в голове ни одной четкой мысли, все потерялось в полутьме, вспыхивающей золотыми искрами кристаллов и в мягком свечении амулетов.

И запахе моего лестрийца. В тепле его ладоней, сдавивших талию, в сумасшедшем блеске глаз.

– Я соскучился, жрица, – он подхватил меня под бедра, усадил на стол и вклинился меж моих колен. Под ягодицами захрустели самоцветы – недовольно, обиженно. И, может, в другое время я почувствовала бы стыд за такое неуважительное обращение, но не сейчас, когда мужская щетина царапала мою шею, а губы подбирались все ближе к моим губам.

– Зачем звала? Что хотела? – лихорадочный шепот, плавающий все мои страхи. – Думал, что отпустил, отказался, переборол. А ты... Может, ты на самом деле ведьма?

Я сама нашла губы лестрийца – голод был неумолим. Скорей, скорей... Испить его дыхание, прижаться грудью, запрокинуть голову – вот так... Так удобней, да...

Мы оба на несколько мгновений обезумели, пытаюсь уто-

лить жажду и тоску друг по другу. Горы и равнины встретились, стирая в порошок все вокруг, стирая само время и расстояние.

– Я тоже скучала по тебе, Зверь-из-Ущелья, – чувствуя, как на исцелованных губах распускается улыбка, я огладила подушечками пальцев его скулы и лоб.

Матерь Гор, как же он красив. И он сейчас со мной.

Снаружи что-то хлопнуло, загомонили люди, и я напряглась, спряталась в объятия Реннейра. Совсем голову потеряла и забыла о самом главном!

– Полагаю, мне нельзя находиться здесь долго? – он огляделся, чуть ослабив хватку. Он все еще стоял непозволительно близко, а я обнимала его бедрами. Поймала в ловушку, боясь, что его от меня оторвут или что он сам сбежит.

Я схватила Ренна за отвороты куртки и заставила посмотреть в глаза.

– Послушай меня, пожалуйста. Я звала тебя не просто так, не из глупой прихоти, Ренн. Мы остановимся на постоялом дворе на окраине города, он называется «У старины Эда», – зашептала, чуть ли не путаясь в словах от волнения. В животе сжалась тугая пружина, а кончики пальцев, которыми я держала ткань на груди мужчины, побелели. – Приходи ко мне ночью. Я буду ждать.

Синие глаза на миг распахнулись, а зрачки сузились, но в следующий миг затопили всю радужку чернильной глубиной. Его пальцы скользнули мне на шею и погладили заты-

лок – нежно, невесомо, но так чувственно, что вниз по телу покатилась волна, приподнимая мельчайшие волоски и заставляя выгнуть поясницу.

– Ты представляешь, чем это закончится?

– Нам надо... – я облизала пересохшие губы и до боли прикусила нижнюю. – ...поговорить. Дело жизни и смерти. Ты в опасности, Ренн.

– Я всегда в опасности, – ответил он и приласкал пальцами другой руки мой подбородок.

– Ты не понимаешь, это важно!

Усмешка сползла с красивого лица, и Ренн кивнул.

– Хорошо. Я приду.

И тогда, пока он не успел опомниться, я достала из кармана сохраненный кристалл авентина, хотя после нашей последней встречи был соблазн швырнуть амулет в ущелье. Надела цепочку на шею лестрийца и спрятала под рубашкой. Ренн молча наблюдал за моими действиями и, слава Матери, не мешал. Только вздохнул протяжно.

Ну вот, самое главное сделала. И сказала. Но это было еще не все. Осталось кое-что.

– Теперь мне пора убираться отсюда, пока никто меня не увидел и не подумал, что я покушался на твою честь, – Реннейр шагнул к выходу и потянулся к пологу. – Хотя, конечно, мысль очень заманчивая.

– погоди! – борясь с удушающим чувством стыда, смешанного с чем-то острым, как лезвие клинка, которого я ка-

салась голыми руками, я перехватила его запястье и выпалила: – Этой ночью я собираюсь стать твоей.

Глава 13. Испытание

Реннейр

К вечеру над городом сгустились тучи. Ветер разметал цветные флажки и венки, поднял пыль с мостовых, а предчувствие скорого ливня погнало народ по домам. Каждый искал укромный угол, чтобы забиться в него. Желательно до весны.

– Никогда не забуду эту дорожку, чтоб ее! – Варди опрокинул в себя очередную кружку горького пойла на травах и вытер усы. – А жрец оказался не таким занудой, как я ожидал. По пути нарвал каких-то грибочков и...

Он болтал без умолку, полностью опровергая легенду о том, что все северяне – знатные молчуны. В берлоге старины Эда смешались десятки чужих голосов, вой дудки и треньканье расстроенной лютни. Гостеприимно потрескивал огонь в очаге, девушки в ярких платьях с густо нарумяненными щеками и подведенными глазами сновали от стола к столу, словно стрекозы. Искатели вовремя подтянулись в это шумное место. Едва за ними захлопнулась дверь, как дождь хлынул сплошной стеной, превращая мостовую в озеро.

Они вошли, и в зале сразу стало темно и тесно. Загородили очаг крутыми плечами и мощными спинами, заняли половину столов.

– Эх кто пришел!... – присвистнул местный рыболов по

кликче Ерш – неказистый мужичонка сорока с лишним лет с длинной тонкой шеей, большим животом и злым языком. – Никак горные крысы пожаловали?

Искатели не обратили внимания на грубость. Молча разложили вещи, и к ним сразу устремились несколько подавальщиц. Говорили, дети гор всегда платят щедро.

Стиснув зубы, я с болезненным упорством пялился в скол на поверхности стола. Просто необходимо привязать к чему-то взгляд, иначе он раз за разом летит к группе искателей, среди которых виднеется тонкая фигурка в зеленом платье.

Толстые косы с замысловатым плетением были перевиты лентами и бусами, они падали на грудь, как два каната. Коснуться бы их, сжать в кулаке, вдохнуть аромат волос. Тепло сразу откликнулось на жаркие фантазии, стало нечем дышать.

Вот она расстегнула фибулу и непринужденным движением набросила плащ на спинку стула – приковала к себе сальные взгляды зевак. Полупьяная солдатня и стражники, ремесленники и купцы, пожаловавшие под гостеприимный кров, изумленно замолчали. Конечно, она была не единственной искательницей под этой крышей, но все остальные дочери гор померкли, показались речной галькой по сравнению с сияющим рубином.

Этой ночью я собираюсь стать твоей.

– Эй, да это ведь та рыжая красotka жрица, – заметил Варди, отрывая зубами кусок окорока. – Что она здесь делает?

– Тебе какая разница, Варди? У тебя ведь есть Нэйла... или Найла... или как ее там?

Я не мог признаться даже себе, что интерес друга к моей жрице не просто коробит, а разрывает на части. Это было похоже на изощренную пытку: быть рядом, но без шанса окликнуть, подойти, дотронуться, чтобы не скомпрометировать Мону. Вынужденное бездействие с упорством заправского палача выкручивало суставы.

– Ох, наконец-то вернулся господин Зверь! – слышался высокий бодрый голосок и, не успев я опомниться, как одна из подавальщиц оттопырила пышный зад и без зазрения совести плюхнулась мне на колени. Зашептала томно: – Я сучала, красавчик.

– Пойди принеси лучше выпить, дорогуша, – я бесцеремонно стащил прилипчивую девку с колен, и та вскрикнула. – Лучше бы тебе поторопиться.

– Да-да, Варди ждать не любит, – оскалился северянин и рыкнул по-волчьи.

Та потеряла саднящую руку, обиженно заморгала и, привычно виляя задницей, понеслась исполнять заказ.

Обиделась. Ну и плевать. Этого блюда я наелся до колик. Я потер пальцами виски. Голова трещала, будто внутри орудовало с десятков дятлов. На лбу выступила испарина. Но через несколько мгновений боль отпустила, и тогда я поймал прояснившимся взором тяжелый взгляд Рамоны. Девушка сидела неподвижно, так и не донеся ложку до рта. Ну ко-

нечно, она видела, как необремененная хорошими манерами Кайла шлепнулась мне на колени!

Вот проклятье! В первый раз мне стыдно за то, что меня каждая девка в округе знает.

– Ты ничего не рассказывал про Волчью Пустошь.

– Да и нечего говорить, гиблое местечко, – отмахнулся друг и присосался к кружке. – Все эти жрецы сумасшедшие.

– И все же говорят, что они хранят искры Дара.

– Ничего такого не заметил, – беспечно произнес северянин, но что-то в его словах показалось наигранным. Интересно, что Варди пытается скрыть от меня?

Но поразмышлять не дало появление Орма, он вырос внезапно, как гора среди чистого поля.

– Зверь-из-Ущелья, – прогудел низким голосом. – Искатели приглашают тебя к столу.

Отказывать было неприлично, да и я не мог устоять перед искушением увидеть Рамону ближе. Сказанные на прощание слова растревожили, как зверя в предчувствии добычи, разбудили рой вопросов. И если повезет, ночью я получу на них ответы.

Стул отъехал с противным скрипом.

– А меня, значит, не пригласили. Ну и хрен с вами. У меня сегодня есть дела поинтересней! Эй, детка, неси сюда свои пышные сиськи! – Варди замахал нетрезвой девице, что уже долгое время строила ему глазки.

Рамона нарочно опустила глаза и стала копаться в тарелке,

когда я приблизился и занял место за столом напротив нее. Роран, этот жесткий ворчливый старейшина, приветствовал меня на удивление радушно, помнил мою роль в уничтожении Красных Топоров.

– Погодка сегодня дрянь, – крикнул и утер рот рукавом. – Мы собирались разбить лагерь на лугу, что за Лестрой, но неохота мочить штаны в лужах.

– Поэтому вы выбрали соседство детей равнин? – усмехнулся я, принимая из рук подавальщицы кружку.

– Ты не думай, мы вовсе не ненавидим вас, – заверил Орм.

– Просто боимся, – добавила Рамона, метнув взгляд из-под ресниц.

– Быть осторожным – не значит быть трусливым.

Не выдержав, Рамона отвела глаза и покраснела. Она выглядела слишком чужеродно здесь, под этой крышей, среди веселящихся мужчин и женщин. Слишком чистая, утонченная, будто сошедшая со старинных гобеленов принцесса.

– Не влезай в разговор, девчонка, – пригрозил ей отец. – И где твой платок? Чего косы распустила? Перед кем красуешься?

– Дядя! – осадил его худенький парень. – Как ты можешь так говорить, она ведь Каменная жрица!

– Молчи, сопляк. Никакого уважения к старшим, – пробурчал Роран и начал быстро орудовать ножом. Он жевал быстро и с аппетитом, в курчавую бороду сыпались крошки.

А вот мне есть совершенно не хотелось: напряжение ско-

вало мышцы, в голове поселился бардак. Вдруг я почувствовал, как чья-то нога коснулась лодыжки – провела вверх-вниз и снова вверх.

Рамона.

Кто же еще?

Но жрица с самым невинным видом смотрела вниз, вылавливая в похлебке кусочки мяса. Хитрая лиса! Совсем ничего не боится, дразнит у всех на глазах.

Она снова меня коснулась, на этот раз под коленом. Захотелось сцепить пальцы на стройной лодыжке и потянуть на себя, но я вовремя сдержался. Что подумают окружающие, если Зверь-из-Ущелья внезапно нырнет под стол?

В янтарных глазах плясали веселые искорки, губы дрожали – она пыталась сдержать улыбку. Что ж, Каменная жрица, мы еще посмотрим, кто кого.

– Давайте выпьем за мир! – предложил Роран, поднимая глиняную кружку, и искатели согласно загудели. – За то, чтобы между нашими народами царила вечная дружба!

– Ага, мир и дружба! Говорят, вы детей наших воруете! – раздался дребезжащий голос Ерша, который сразу потонул в воплях дудки.

– Это ложь, – спокойно возвестил Орм. – Подлые наговоры.

Я крепче сцепил зубы. Ольд рассказал, как было дело. Беглый искатель пришел в Лестру со своей дочерью, нашел Райлу, и теперь они прятались в захудалом домишке кварта-

ла камнетесов. Но, если здесь начнутся волнения и попытки спровоцировать драку, придется вмешаться.

Война между нашими народами – что может быть хуже? Жаль, что мой отец так не считает.

– Я видел Райлу с ребенком. Девочка просто потерялась, но ее вернули родственники, – произнес спокойно, чтобы потушить вспыхнувшую было искру. Мои слова встретили молчанием, а потом люди за столами загалдели.

– Ах, вон оно что...

– Я ж вам говорил, что эта тетеря сама ребенка проворонила!..

– И все равно мне их рожи не нравятся.

К нашему столу подплыла девушка с подносом наперевес:

– Господа искатели желают выпить? – спросила, покачивая грудью перед носом Рорана.

– Проводи мою дочь в комнату, – отведя глаза от соблазнительного зрелища, старейшина быстро сунул девице монетку.

Ясно и дураку, этот суровый неотесанный мужик не прочь попялиться еще. Или даже потрогать. Но репутация святоши и ненавистника детей равнин не позволяет, ведь иначе как он будет твердить своей дочери и другим о чистоте тела и помыслов?

– Будет исполнено, господин, – давая смешок, девушка сделала Рамоне знак следовать за ней. Искатели, как голодные псы, проводили взглядами пышные формы красотки пода-

вальщицы.

Рамона вытерла салфеткой кончики пальцев и уголки губ, нервно швырнула ее на стол и поднялась. Уходя, бросила в мою сторону красноречивый взгляд, который тут же спрятала за завесой ресниц.

Взгляд-обещание. Взгляд-приглашение.

Этим вечером я был немногословен, мысли то и дело возвращались к ней, и я пытался представить, о чем она сейчас думает, что делает. Почему-то казалось, что Рамона в задумчивости мерит шагами комнату или стоит и распахнутого окна, глядя вдаль, на горы.

– Пойду проветрюсь. Приятного вечера, Роран.

Никто не пытался меня задержать, и я шагнул в объятия сырой ночи, отсекая себя от уютного тепла хлопком двери. Задний двор превратился в жидкое месиво, и в несколько широких шагов я добрался до навеса, предваряющего вход в конюшню.

Остро пахло сеном, сонно похрапывали лошади. Взгляд метнулся вверх, к окнам второго этажа: в одном из них застыл размытый дождем тонкий силуэт. Я не знал, она ли это, но внутреннее чувство твердило: «Да, она».

Ждет?

Я усмехнулся, присаживаясь на порог. Сейчас до ужаса не хватало утерянной где-то в горах трубки, не хватало едкого дыма в легких, который был способен вытеснить из головы сентиментальные глупости.

Куда меня несет, что я делаю со своей жизнью? С тех пор, как в нее ворвалась Рамона, я уже ничего не понимаю, сомневаюсь в том, что всегда считал важным и нужным. Эта женщина просто пришла и навела у меня в голове кавардак.

Я сидел так долго – похожий на неподвижную черную тень. Прислушивался к шелесту дождя на крыше, пока в открытой двери таверны не выросла фигура, на мгновение осветив двор и выпустив наружу шум людских голосов.

Насладился одиночеством, называется. И кто там тащится в такую погоду?

– Чего тебе? – небрежно бросил я парню, когда тот вырос рядом, принеся за собой аромат съеденного лука и наваристого супа.

Как его зовут? Орвин, что ли?

Искатель тряхнул волосами, разметав капли воды, и скрестил на груди руки. Сразу стал похож на грозного волчонка.

– Разговор есть.

– У тебя ко мне? – я приподнял бровь. – Так говори, нечего меня глазами поедать.

– Оставь ее в покое, Зверь-из-Ущелья, – прозвучало с ощутимой угрозой. – Она не девочка на одну ночь.

Откуда?..

Вот проклятье, наблюдательный оказался малец. Если Рамона ему, конечно, сама все не рассказала.

– С чего ты решил, что я отношусь к ней именно так? – я не стал ничего отрицать, не стал отпираться.

Орвин потерялся на миг, а потом яростно запыхтел.

– Потому что я мужчина, как и ты, и я знаю, какие чувства вызывает красивая молодая девушка. Рамона не знает жизни за пределами Антрима, она доверчива и чиста душой. Моя сестра не ожидает от тебя ножа в спину, поэтому ничего не боится. Привлечь дядю Рорана или своего отца я не буду, это ей лишь навредит, поэтому я прошу *тебя*, – парень сделал шаг вперед. – Оставь ее в покое, не дай совершить ошибку.

Я вцепился в отвороты куртки и дернул Орвина к себе, как котенка. А после процедил сквозь зубы:

– Я не нуждаюсь в непрошенных советах. И не тебе мне указывать, мальчишка.

Это было грубо. Резко. Непозволительно по отношению к брату женщины, которую я хотел сделать своей. Но слова искателя зацепили нечто, спрятанное глубоко в душе, вывернули наизнанку.

Парень выдрался из хватки. Рот его перекосился от гнева, худое лицо облепили волосы.

– Я не верю в твои честные намеренья, Зверь-из-Ущелья! Ты мог выбрать любую из ваших девушек, но захотел мою сестру.

Напряжение было таким, что хоть ножом режь. Мальчишка до одури хотел мне врезать – это читалось у него на лице. Выбить зубы, превратить нос в кровавую кашу, но что-то заставляло его себя сдерживать. Наверное, понимал, что

перевес будет на моей стороне.

За городом сверкнула молния, а следом тревожно зарокотали небеса.

– Трогательная братская забота, чтоб тебя, – прорычал я. – Знаешь, что, Орвин? Ты ничего не знаешь и ничего не понимаешь. Тем более, ты не знаешь меня. Поэтому не лезь.

Искатель стиснул кулаки так, что руки задрожали.

– Поклянись, что не тронешь ее. Поклянись, что уберешься отсюда сейчас же!

– Я не раздаю клятв кому попало, а ты слишком много на себя берешь, – я сделал размашистый шаг вперед, заставив юнца попятиться. – Рамоне я не причиню зла. Но причиню его тем, кто будет лезть не в свое дело.

– Это было единственное и последнее предупреждение, Зверь-из-Ущелья, – оскалился юный искатель, которому гнев застилал рассудок. – Если по твоей вине с Рамоной что-то случится, я загоню тебя в могилу, не сомневайся, – обдав меня презрением, как помоями из ведра, он шагнул под дождь и вскоре нырнул обратно в тепло постоянного двора.

Кажется, Орвин действительно дорожит сестрой и вряд ли проболтается. Но внутри все равно погано, будто я поступаю неправильно. Что если действительно стоило успокоить искателя, пообещав, что не буду приближаться к его сестре? Что если и правда *нужно* убраться отсюда скорее, пока самообладание не треснуло, как сухая скорлупа?

Ты в опасности, Ренн.

Этой ночью я собираюсь стать твоей.

Я уселся на пустой бочонок, вытянув ноги вперед. Дождь припустил еще сильнее, а я до рези в глазах смотрел на желтые квадраты окон – одно, самое нужное, больше не горело.

Время шло, и эта длинная дождливая ночь выпотрошила меня совсем. Внутри тлели уголья нерастраченного гнева, ворочалась звериная, какая-то волчья тоска. И тянуло, безумно тянуло в тепло и под крышу.

Стиснув зубы, я в два прыжка очутился возле Эдовой берлоги. Обошел по периметру, держа путь к черному входу – дверь оказалась не заперта. Впрочем, замки и засовы никогда меня не останавливали. Оставляя мокрые следы, прошел по коридору. Все веселились в зале, никто меня не видел.

У подножья лестницы я замер, вгляделся в узкий коридор, освещенный колеблющимся светом одинокой свечи. Ноги сами понесли вверх по ступеням. Старуха-лестница, истоптанная тысячью сапог, не скрипнула ни разу, словно одобряла мой замысел.

Как вор, я бесшумно прошел вдоль стены и остановился у одной из похожих друг на друга дверей. Прислушался. Снизу доносились взрывы хохота под перестук глиняных кружек, фальшивили музыканты. А за дверью – тишина. Наверное, Рамона спит, меня не дождалась.

Это к лучшему.

Показалось, что витая ручка жжет ладонь. Дверь была заперта и, чувствуя себя самым настоящим проходимцем, я

выудил из кармана связку отмычек – негромко щелкнул язычок замка, впуская меня внутрь.

Глава 14. Стать твоей

Реннейр

В комнате оглушительно пахло осенью и царила почти непроглядная тьма, нарушали которую лишь отблески далеких молний. Я прошел вперед, радуясь, что половицы не скрипят. Ветер трепал легкую занавеску, словно парус повешенного в шторм корабля. В распахнутое окно сыпали мелкие дождевые капли.

Некоторое время я стоял, сжимая пальцы в кулак, а потом повернулся к кровати и...

Из груди вырвали все жилы.

Полог остался не задернутым, и там, в глубине алькова, белела хрупкая девичья фигурка. Толстое одеяло наполовину стекло на пол, оставив открытыми тонкие руки, плечи, изящную лодыжку и стопу с маленькими пальчиками. Ночная сорочка без рукавов скрывала наготу, но в распахнутом воротах виднелась темная ложбинка между мягкими полушариями груди. Волосы Рамоны, расплетенные и тяжелые, разметались вокруг головы темным ореолом.

Кончики пальцев запекло от желания снова ощутить их мягкость. Захотелось отбросить проклятое одеяло и оказаться в ее постели прямо сейчас. Сорвать промокшую и разогретую жаром тела одежду, припасть к губам и пить, пить, пить ее дыхание, пока хмель не унесет остатки разума. Не

давая опомниться, заласкать всю, заклеить поцелуями, ладонями скользить по гладким бедрам, сминать пальцами нежную кожу.

Внутренности скрутило от болезненного желания, и я хрипло выдохнул. Надавил пальцами на закрытые веки, пытаясь успокоиться.

Дышать. Просто дышать.

Ты мог выбрать любую из ваших девушек, но захотел мою сестру.

Да, захотел!

Но должно ведь быть в жизни хоть что-то святое? Зачем идти на поводу у самых низменных и темных инстинктов, неужели непонятно, к чему это приведет?

Но тогда зачем, зачем я притащился сюда среди ночи? Так хотелось узнать, что Рамона собиралась сказать? Или полюбоваться на то, как она спит? Запомнить ее всю – хрупкую, звонкую, беззащитную, такую... свою.

Нет, это просто какое-то наваждение, словно мне опять шестнадцать. Но сейчас-то надо себя контролировать!

Я повернулся спиной к кровати и, костеря себя, на чем свет стоит, подошел к окну. Тяжело привалившись плечом, выглянул на улицу: снаружи по-прежнему бушевала стихия, превращая двор в грязевое море. За пеленой дождя смутно мерцали огоньки в редких окнах, вдали изломанными змеями вились молнии.

Я пожалел, что не напился сегодня вдрызг. Может, еще не

поздно? Может, надо спуститься, отыскать Варди, если тот не успел затащить в койку ту бойкую девицу... как там ее...

Внезапно раздался скрип половицы. Я обернулся рывком – она стояла босая, еще не отошедшая от сна и немного растерянная. С голыми руками, прижатыми к груди, с разметанными по плечам волосами.

– Ренн? – жрица смотрела на меня круглыми, как плошки, глазами, и в них плясали ночные огни. – Ты все-таки пришел...

* * *

Рамона

– Куда бы я от тебя делся? – Ренн усмехнулся, а на мне сорочка вспыхнула, когда он скользнул взглядом – от головы и до пальцев босых ступней. Обласкал глазами, как сделал бы это руками.

Пришел, потому что хотел узнать, какая опасность ему грозит?

Или взять то, что я ему пообещала?

За дверью слышался шум, и мы замерли. Прислушались. Но вскоре все звуки стихли, я снова смогла дышать, а сердце запустило сумасшедший бег. Остатки сна слетели, как дым, и я, наконец, вспомнив о приличиях, стянула с кресла шаль и накинула на плечи.

– Ты хотела поговорить?

От этого низкого мужественного голоса меня ударило в жар, и по рукам побежали мурашки. Все слова разом выветрились из головы, будто подхваченные ворвавшимся в окно ветром. Показались неважными, кощунственными, пошлыми. Как во сне я потянулась к нему и прижалась щекой к широкой груди, покрытой кожаной безрукавкой.

Реннейр вздрогнул, как будто я сделала ему больно, а потом заключил в кольцо рук.

Лестриец пах осенью. Влажным предрассветным лесом, терпким вином со специями и горькой полынью. А еще мужчиной. Опыаненная, я впилась пальцами в ткань его вымокшей под дождем рубашки и зажмурилась сильно-сильно, не зная, как начать разговор. И молясь, чтобы этот волшебный момент тянулся как можно дольше.

– Рамона... – выдохнул мне в ухо, а потом быстрым и точным жестом отстегнул меч, бросил на столик у окна. Подхватил меня под колени и сел в кресло.

Я спрятала озябшие ноги под подолом сорочки, а лестриец гладил мои волосы, зарывался в них пальцами, посылая по всему телу сладкие волны. В этом было что-то глубоко личное, более интимное, чем поцелуи – здесь нежность плелась кончиками пальцев и дрожала, как паутина или капельки росы.

Я должна сказать ему, должна... сейчас... еще немного подожду, иначе этот миг перестанет казаться таким прекрасным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.